

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»

**ЯЗЫК НАУКИ
И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ**

***

**LANGUAGE OF SCIENCE
AND PROFESSIONAL COMMUNICATION**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2023 № 1 (8)

Учредитель:
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия»,
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

Основан в 2020 году
Выходит два раза в год

Распространяется по подписке.
Подписной индекс 88740
Размещение в электронном подписном
каталоге ГК «Урал-Пресс» –
на сайте www.ural-press.ru.

Цена свободная

ISSN 2658-5138

Журнал зарегистрирован в Федеральной
службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций (свидетельство о регистра-
ции СМИ ПИ № 77-77983 от 27 марта
2020 г.)

Сайт журнала: <http://сгюа.рф/ru/yazyknauki>

© ФГБОУ ВО «Саратовская
государственная юридическая академия»

Редакционная коллегия:**Главный редактор:**

доктор филологических наук, профессор Е. Ю. Балашова (Саратов, Россия)

Заместители главного редактора:

доктор филологических наук, профессор А.М. Молодкин (Саратов, Россия)

кандидат педагогических наук, доцент Е. Г. Вьюшкина (Саратов, Россия)

Выпускающий редактор (русский язык):

доктор филологических наук, профессор Е. А. Елина (Саратов, Россия)

Выпускающий редактор (английский язык):

доктор юриспруденции, магистр прикладной лингвистики Дандон Т. (Нью Йорк, США)

Ответственный секретарь:

кандидат филологических наук, доцент Н.И. Илюхин (Саратов, Россия)

Члены международной редакционной коллегии:

доктор филологических наук, доцент О. Ю. Авдеевнина (Саратов, Россия)

PhD, доцент С. Билова (Брно, Чешская Республика)

доктор филологических наук, профессор Т. А. Гордеева (Пенза, Россия)

кандидат педагогических наук, доцент И. Ю. Ессина (Саратов, Россия)

доктор педагогических наук, профессор В. П. Жуковский (Саратов, Россия)

доктор филологических наук, профессор А. А. Зарайский (Саратов, Россия)

доктор филологических наук, профессор Т. А. Ивушкина (Москва, Россия)

кандидат педагогических наук, доцент Е.А. Калинина (Саратов, Россия)

доктор филологических наук, доцент С. В. Кекова (Саратов, Россия)

доктор филологических наук, профессор М.Ю. Колокольникова (Саратов, Россия)

доктор педагогических наук В. Мажейкене (Вильнюс, Литва)

доктор филологических наук, профессор Нямжав Нансалмаа (Улан-Батор, Монголия)

доктор филологических наук, профессор Г. Найак (Дели, Индия)

доктор филологических наук, профессор З. Л. Новоженева (Гданьск, Польша)

доктор филологических наук, доцент Л. П. Прокофьева (Саратов, Россия)

доктор филологических наук, доцент С. А. Рисинзон (Саратов, Россия)

доктор педагогических наук, доцент И. Тосункуоглу (Карабюк, Турция)

кандидат педагогических наук, доцент Ю. А. Фокеева (Саратов, Россия)

доктор филологических наук, профессор С. П. Хижняк (Саратов, Россия)

доктор педагогических наук, доцент К. Г. Чикнаверова (Москва, Россия)

Editorial Board:***Editor-in-Chief***

Dr. habil., Prof. *E. Yu. Balashova* (Saratov, Russia)

Deputies Editor-in-Chief

Dr. habil., Prof. *A.M. Molodkin* (Saratov, Russia)

Ph.D., Associate Prof. *E. G. Vyushkina* (Saratov, Russia)

Editor for the Russian Language

Dr. habil., Prof. *E. A. Elina* (Saratov, Russia)

Editor for the English Language

J.D., MA in Applied Linguistics *T. Dundon* (New York, USA)

Executive Secretary

Ph.D., Associate Prof. *N. I. Ilukhin* (Saratov, Russia)

Members of the International Editorial Board :

Dr. habil., Associate Prof. *O. Yu. Avdevnina* (Saratov, Russia)

PhD, Assistant Prof. *S. Bilová* (Brno, Czech Republic)

Dr. habil., Prof. *T. A. Gordeyeva* (Penza, Russia)

PhD, Associate Prof. *I. Yu. Essina* (Saratov, Russia)

Dr. habil., Prof. *V. P. Zhukovsky* (Saratov, Russia)

Dr. habil., Prof. *A.A. Zarayskiy* (Saratov, Russia)

Dr. habil., Prof. *T. A. Ivushkina* (Moscow, Russia)

PhD, Associate Prof. *E.A. Kalinina* (Saratov, Russia)

Dr. habil., Associate Prof. *S. V. Kekova* (Saratov, Russia)

Dr. of Education *V. Mažeikienė* (Vilnius, Lithuania)

Dr., Prof. *Niamzhav Nansalma* (Ulaanbaatar, Mongolia)

DPhil, Prof. *G. Nayak* (Delhi, India)

Dr. habil., Prof. *Z. L. Novozhenova* (Gdansk, Poland)

Dr. habil., Associate Prof. *L. P. Prokofieva* (Saratov, Russia)

Dr. habil., Associate Prof. *S. A. Risinzon* (Saratov, Russia)

Dr. habil., Prof. *M.Yu. Kolokolnikova* (Saratov, Russia)

Dr., Associate Prof. *İ. Tosuncuoğlu* (Karabük, Turkey)

PhD, Associate Prof. *Yu. A. Fokeeva* (Saratov, Russia)

Dr. habil., Prof. *S. P. Khizhnyak* (Saratov, Russia)

Dr. habil., Associate Prof. *Chiknaverova K. G.* (Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

<i>Александрова Т.А., Лазовская Н.В.</i> Английский язык с точки зрения феминизма (по материалам зарубежных исследований)	5
<i>Балашова Е.Ю.</i> The UN Corpus from pragmatical, terminological and communicative research focus	14
<i>Богачева Е.А., Короткова М.Д.</i> К вопросу о психологическом содержании ситуации билингвизма	23
<i>Волгина Е.В.</i> The gender specifics of legal terminology	29
<i>Молодкин А.М.</i> The semantic-pragmatic features of English multifunctional adverbials in spoken discourse of the courtroom participants: theoretical frameworks and translation strategies	35

ЛИНГВОДИДАКТИКА

<i>Баурова Ю.В., Богачева В.П.</i> Проблемы профессиональной подготовки студентов направления «Туризм» в контексте обучения межкультурной коммуникации	45
<i>Кузнецова Ю.А.</i> Использование аутентичных иноязычных материалов при обучении грамматике английского языка	57
О журнале	66

ЛИНГВИСТИКА (LINGUISTICS)

УДК 81-13

ББК Ш-10

DOI: 10.24412/2658-5138-2023-8-5-14

**АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФЕМИНИЗМА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)**

Александрова Татьяна Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Саратовская государственная юридическая академия, talexandrova503@yandex.ru

Лазовская Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Саратовская государственная юридическая академия, lazovskaya.natalia@gmail.com

В данной статье рассматриваются различные способы негативного языкового изображения женщин с точки зрения зарубежных феминистских теорий, согласно которым для английского языка характерно создание ложной гендерной нейтральности. Анализируются концепты маскулинности и фемининности, их языковое проявление. Выявляется проблема свойственности гендерного маркирования в английском языке. Результаты исследования показывают доминирование концепта маскулинность, как следствие социальных изменений и трансформаций в современном обществе. Феминистки заявляют, что женщины всегда находятся в тени мужчин. Язык поддерживает мужские стандарты оценивания всего, что окружает человека, маскулинность воспринимается как норма. Все попытки изменить ситуацию остаются половинчатыми, результаты практически нулевые. Критики подобных подходов считают, что феминистский взгляд на ситуацию спорен, он страдает от явных преувеличений и далек от реальности.

Ключевые слова: феминизм, английский язык, маскулинность, сексизм, неравенство.

**ENGLISH LANGUAGE FROM A FEMINIST PERSPECTIVE
(BASED ON FOREIGN STUDIES)**

Tatyana A. Aleksandrova, ORCID ID: 0000-0002-4216-5546, Saratov State Law Academy, 1, Volskaya Str., Saratov, 410056, Russia, talexandrova503@yandex.ru

Natalia V. Lazovskaya, ORCID ID, 0000-0001-9879-1573, Saratov State Law Academy, 1, Volskaya Str., Saratov, 410056, Russia, lazovskaya.natalia@gmail.com

This article discusses various ways of negative linguistic portrayal of women from the point of view of foreign feminist theories. According to these theories English is characterized by the creation of false gender neutrality. Concepts of masculinity and femininity, their linguistic manifestation are analyzed. The problem of gender labelling in English is revealed. The research results show the dominance of the concept of masculinity as a consequence of social changes and transformations in modern society. Feminists say that women are always in the shadow of men. Language supports male standards of valuing everything that surrounds a person, masculinity being perceived as normal. All attempts to change the situation remain partial, the results are practically zero. Critics of such approaches believe that the feminist view of the situation is controversial. It suffers from obvious exaggerations, and far from reality.

Key words: feminism, English language, masculinity, sexism, inequality.

Введение

Гендерные принципы взаимодействия людей имели и продолжают оказывать огромное влияние на организацию и коммуникацию общества. Мощным импульсом к гендерным исследованиям стало возникновение в 60–70-е гг. XX в. феминистской лингвистики. В данной статье мы проанализируем ряд гендерных асимметрий в языке, направленных против женщин. Рассмотрим тенденции к ложной гендерной нейтральности, гендерной маркированности, языковом кодировании мужской картины мира, маскулинности языка, языковых метафорах и стереотипах под влиянием феминистического движения.

Ложная гендерная нейтральность

Ряд исследователей указывают на недовольство феминисток на употребление местоимения *he* и существительного *man* как гендерно-нейтральных лексем. Традиционно считается, что они могут быть гендерно-конкретными, как в первом и втором предложении, и гендерно-нейтральными, как в третьем и четвертом предложении [16].

1. *He drank the wine* (мужчина).
2. *A man went into a bar* (мужчина).
3. *When a student comes into the room, he should pick up a handout* (и студент, и студентка).
4. *Man is a primate* (человек).

Феминистки считают, что местоимение *he* и существительное *man* на самом деле нечасто бывают гендерно-нейтральными. Дженис Мултон и Адель Мерсьер приводят примеры, в которых явно подразумевается гендерно-нейтральное значение, однако предложения получаются алогичные, и формулировки лучше изменить [12: 100-115; 11: 221-259].

5. *Man has two sexes; some men are female* (подразумевается человек).

6. *Man breastfeeds his young* (подразумевается человек).

Считать местоимение *he* и существительное *man* гендерно-нейтральными – это явная классификационная ошибка. Мерсьер указывает, что существительное *man* может быть гендерно-нейтральным, только когда оно соотносится с лицом или лицами неизвестного пола, а также с мужчинами или с группой лиц, состоящей из мужчин и женщин. Именно поэтому лексема *man* в пятом и шестом предложении противоречит здравому смыслу. В обоих предложениях лексема *man* соотносится с лицами, которые могут быть только женского пола. То есть попытка соблюсти гендерную нейтральность провалилась. Однако это не доказывает, что гендерно-нейтральное значение в принципе невозможно, мы встречаем его в третьем и четвертом предложении [11: 221-259].

Структурная незаметность женщин

Языковые вопросы, которые беспокоят феминисток, выходят за рамки классификационных. Феминистки заявляют, что лексем вроде *he* и *man* делают женщин незаметными, то есть умалчивается их значимость, отвлекается внимание от их существования. Борьба за женскую значимость и заметность – важный феминистский проект во многих аспектах, и язык, который отвлекает от женской значимости, вносит свой вклад в то, что женское влияние в обществе невелико. Психолингвистические эксперименты показывают, что лексем *he* и *man* стойко ассоциированы именно с мужчинами, а не с женщинами [16]. Этот факт укрепляет феминисток во мнении, что использование данных лексем способствует подавлению женщин и, по их мнению, дает им основания возражать против гендерно-нейтрального использования местоимения *he* и существительного *man*.

Маскулинность как норма

По схожим причинам феминистки протестуют против целого ряда лексем и языковых конструкций. Это, например, гендерно-конкретные

обозначения профессий, например, *manageress* или *lady doctor*. Очевидно, что эти термины не способствуют незаметности женщин, скорее наоборот. Они привлекают внимание к солидному профессиональному и социальному статусу женщины – менеджер и врач. Тем не менее, большинство феминисток считают подобные сексизмы оскорбительными [Там же].

По мнению феминисток, слова *manageress* и *lady doctor* намекают на то, что мужчины на соответствующих должностях – явление обычное, а женщины – это отклонение от нормы, исключение. Дженис Мултон усматривает подобное в названиях брендов (например, *Hoover*). Она считает, что бренд с «мужским» названием воспринимается как более качественный. Точно так же, по ее мнению, работают слова *he* и *man* – это гендерно-конкретные слова, но их значение в ряде контекстов включает и женщин [12: 100-115]. Лоренс Хорн и Стивен Кляйнедлер указывают, что слово *man* изначально не было гендерно-конкретным и означало «человек», включая и мужчин, и женщин. То есть значение не расширилось «мужчина – человек», а наоборот, сузилось «человек – мужчина». Тем не менее, Хорн и Кляйнедлер соглашаются с тем, что в настоящее время отношение к словам *he* и *man* как к гендерно-нейтральным продвигает спорную идею о превалировании «мужских норм» в жизни человечества [7].

Гендерное маркирование

Английскому языку, как и большинству других языков, свойственно гендерное маркирование. Например, невозможно пользоваться местоимениями *he* и *she*, не зная пол человека, о котором идет речь. В остальных случаях половая принадлежность в целом неважна. Мэрилин Фрай считает это свидетельством общей тенденции придавать значение половой принадлежности человека даже тогда, когда это неважно, то есть сексизмом. Кроме того, она считает, что постоянная потребность знать пол человека и обозначать его способствует убеждению в том, что половая принадлежность – это чрезвычайно важный момент с любой точки зрения. По мнению Фрай, это ключевой фактор мужского доминирования. Мужское доминирование базируется на том постулате, что мужчины и женщины кардинально отличаются друг от друга [4: 37-54].

Языковое кодирование мужской картины мира

Значение ряда слов и выражений свидетельствует о том, что некоторые вещи якобы более естественны для мужчин и менее естественны для

женщин [1; 13; 18]. Например, слова *foreplay* и *sex*. Термин *sex*, по мнению феминисток, относится к акту, который определяется с точки зрения мужского оргазма, а действия сексуального характера, посредством которых многие женщины достигают того же, считаются второстепенными и соотносятся с термином *foreplay*. То есть, оба термина рассматриваются с точки зрения мужского взгляда на эти вещи. Кэтрин Маккиннон и Сэлли Хаслангер ссылаются на юридические определения термина *rape* как действия, совершенного с применением чрезмерной силы, то есть якобы предполагается, что некоторое применение силы в близких отношениях вполне допустимо [10: 78; 5: 95-125].

По мнению Лин Фарли и Дейл Спендер, во многих языках нет слов для обозначения того, что очень важно для женщин. Они рассматривают данный пробел как еще одно доказательство языкового кодирования мужской картины мира. Например, термин *sexual harassment* – это относительно недавнее феминистское нововведение. Женщины начали делиться жизненным опытом друг с другом, увидели общее в своих проблемах и ввели термин *sexual harassment*. Очевидно, что если проблема имеет название, с ней легче бороться как правовыми методами, так и посредством общественного просвещения [18: 91, 203].

Миранда Фрикер называет такие пробелы герменевтической несправедливостью. Точнее говоря, это то, что имеет место, когда некий значительный элемент социального опыта человека выходит за рамки коллективного понимания вследствие социального, лингвистического или концептуального пробела. Подобное особенно болезненно для представителей социально незащищенных групп населения [3: 147-176].

Попытки изменить ситуацию

Феминистки прикладывают немало усилий, чтобы решить данные проблемы. Предлагались и проводились самые разные реформы. Например, сейчас нередко можно встретить употребление местоимения *they* по отношению к одному лицу вместо местоимения *he*, как, например, в следующем предложении: “*Somebody left their umbrella in the office. Could you please let them know where they can get it?*” [17]. Сьюзен Эрлих и Рут Кинг упоминают слово *chairperson*, которое возникло как гендерно-нейтральная замена слову *chairman*. Однако в большинстве случаев существительное *chairperson* обозначает женщин, то есть председательниц,

а председателей по-прежнему называют *chairman* [2: 164-179]. То есть никакие нововведения не будут иметь успеха, если не меняется отношение социума к обсуждаемому нами предмету.

Более того, анализ гендерных проблем в языке показывает, что многие из них невозможно решить посредством исключительно лингвистических реформ. Некоторые трудности выходят за рамки слов, выражений или концептуальных пробелов. Дебора Кэмерон, например, приводит текстовые отрывки, в которых маскулинность подается как норма, без употребления слов или выражений, которые могли бы не понравиться феминисткам. Например: “*The lack of vitality is aggravated by the fact that there are so few able-bodied young adults about. They have all gone off to work or look for work, leaving behind the old, the disabled, the women and the children*” [1: 85].

Очевидно, что в вышеприведенном примере словосочетание *able-bodied young adult* не предполагает в качестве референта индивида женского пола. Более того, подобные выражения остаются незамеченными как редакторами СМИ, так и теми, кто потребляет предлагаемые информационные продукты. Это проблема, которая заключается не в конкретном слове или словосочетании. Принципиальное искоренение языкового представления маскулинности как нормы невозможно достичь единичными лексическими и грамматическими реформами [16].

Маскулинность языка

Некоторые феминистки [15; 18] заявляют, что английский в целом «мужской» язык. В нем закодирована мужская картина мира, а женщины занимают второе место, маскулинность преподносится как норма. Уклон в маскулинность в английском настолько силен, что проблема, по их мнению, коренится не только в лексическом составе, но и в других элементах языка. Дженнифер Сол обобщает несколько претензий, помимо тех, что мы уже рассмотрели [16]:

- 1) в английском языке «мужских» слов больше, чем «женских» [18: 15];
- 2) когда «женское» слово описывает ту же ситуацию, что и «мужское», именно «женский» вариант содержит негативные коннотации [18: 17], например, *spinster* (незамужняя) и *bachelor* (холостяк);

3) «женские» слова чаще мужских несут в себе сексуальную коннотацию.

Последнее касается даже нейтральных слов, когда они употребляются по отношению к женщинам. Дейл Спендер приводит в качестве примера слово *professional: he is professional* – он хороший специалист, *she is professional* – она проститутка. По мнению ее мнению, в том факте, что язык кодирует мужскую картину мира, нет ничего неожиданного. У мужчин в этом мире больше власти, они диктуют свои условия [18: 144].

Ряд феминисток считают, что для устранения мужской гегемонии в языке необходимо поступить кардинально: дать новые определения привычным словам или создать новый язык с новыми словами и правилами [10; 15; 18; 14].

Языковые метафоры

Важная тема феминистского дискурса – это тенденция описывать предметы и явления окружающего мира с точки зрения пола или рода. Например, в следующем примере Эвелин Келлер природа изображается в образе матери с детьми: “*Science is expressed as ‘leading you to Nature with all her children to bind her to your service and make her your slave’*” [8: 36]. Женестьева Ллойд также считает, что существует тенденция воспринимать понятия, соотносимые со словами *reason* и *mind*, в мужском образе и противопоставлять их женским эмоциям. Она полагает, что эти метафоры играют значимую роль в истории философии, предопределяя и нередко искажая наши представления о ключевых философских понятиях и женских эмоциях [9: 18-28].

Стереотипы

Стереотипы, например, “*cats are furry*”, могут и не являться абсолютными истинами, ведь бывают и бесшерстные кошки. В нашем контексте интересны такие стереотипы как “*boys don’t cry*” или “*women place their families before their careers*”. Подобные высказывания носят описательный характер. Плач, например, описывается как явление, недостойное мальчиков (мужчин). Но в этом же предложении содержится нормативное утверждение о том, что надлежит делать мужчинам или женщинам. Дэниел Водак, Сара-Джейн Лесли и Марджори Родс считают, что люди интуитивно чувствуют заложенные в языке нормативные и описательные стереотипы. Например, «женский» стереотип «семья важнее

карьеру», автоматически соотносится даже с теми женщинами, которые так не считают. Этим Лесли объясняет высказывания вроде *“Hillary Clinton is the only man in the Obama White House”* с намеком, что Хиллари Клинтон – мужественный человек. Это часть достаточно массового феминистского проекта с идеей о том, что стереотипные высказывания отрицательно влияют на процесс социального познания [19: 659]. По информации Сол [16], Лесли приводит ряд стереотипных высказываний вроде *“black people are dangerous”* или *“Muslims are terrorists”*. Лесли считает, что даже небольшое количество подобных стереотипов наносят огромный вред представителям соответствующих групп.

Сэлли Хаслангер основывается на работе Лесли и указывает, что стереотипы часто несут в себе скрытые манипуляции, по которым люди судят, чего следует ожидать от того или иного человека. Это является ключевым механизмом закрепления разнообразных идеологий. Она призывает отказываться от ложных импликаций [6: 179-207].

Заявления о маскулинности английского языка, причинах этого явления и его последствиях достаточно спорны. Во-первых, спорна степень мужского превалирования в языке. Действительно, есть множество языковых конструкций, которые вызывают беспокойство у феминисток, но неясно, есть ли основания утверждать, что английский – чрезмерно «мужской» язык. Также неясно, какие заявления можно считать достойными внимания. Если утверждать, что каждое слово маскулинно окрашено, это очевидно неправда. Если утверждать, что у феминисток есть причины для недовольства, это определено так. Но есть ли смысл концентрироваться на таких общих утверждениях, а не на конкретных проблемах [16]?

Сол также полагает, что власть мужчин в обществе не распространяется на язык. Язык трудно контролировать. Можно редактировать словари и тексты законов, и это чрезвычайно важно для формирования отношения к реальности и мышления, но создавать язык, мышление и реальность мужчины не в состоянии. Степень влияния маскулинных аспектов языка трудно определить. В действительности их не так много.

Непоследовательный конструктивистский подход к окружающей действительности не выдерживает никакой критики. Тем не менее, представляется обоснованным утверждение о том, что из-за проблем с некоторыми лексемами и языковыми конструкциями женщинам трудно

описывать важные стороны своего жизненного опыта. Это отчасти приводит к тому, что многие женщины предпочитают не говорить о своих проблемах и меньше о них думать [3: 147-176].

Заключение

Итак, мы рассмотрели различные способы создания негативного образа женщины в английском языке. Сложившееся положение дел чрезвычайно беспокоит феминисток. Они считают, что язык создает ложную гендерную нейтральность, делает женщин незаметными и представляет маскулинность как стандартную меру оценивания окружающей действительности. По мнению феминисток, мужчины навязывают женщинам свою картину мира. Все попытки изменить ситуацию не привели к видимым результатам. Однако существует мнение, что проблема несколько преувеличена.

Список литературы

1. *Cameron D.* Feminism and linguistic theory. Basingstoke and London: MacMillan, 1985.
2. *Erlich S., King R.* Gender-based language reform and the social construction of meaning // Cameron D. Feminist linguistic theories // S. Jackson and J. Jones (eds.) Contemporary feminist theories. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1998. P. 164-179.
3. *Fricker M.* Epistemic injustice: Power and the ethics of knowing. Oxford. Oxford University Press, 2007.
4. *Frye M.* The politics of reality: Essays in feminist theory, freedom. Trumansburg. NY: The Crossing Press, 1983.
5. *Haslanger S.* Ontology and social construction // Philosophical topics. 1995. *Journal*. 23(2). P. 95-125.
6. *Haslanger S.* Ideology, generics, and common ground // Feminist Metaphysics, Dordrecht: Springer Verlag, 2011. P. 179-207.
7. *Horn L.R., Kleinedler S.R.* Parasitic reference vs. R-based narrowing: Lexical pragmatics meets he-man, paper presented to the Linguistic Society of America, Chicago, 6 January, 2000. [Электронный ресурс]. URL: https://ling.yale.edu/sites/default/files/files/horn/HornKleinedler2000_he-man.pdf
8. *Keller E.F.* Feminism and science // Feminism and science. Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 28-40.
9. *Lloyd G.* The man of reason: 'Male' and 'female' in western philosophy. Minneapolis. University of Minnesota Press, 1984.
10. *MacKinnon C.A.* Toward a feminist theory of the state. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989.

11. *Mercier A.* A perverse case of the contingent a priori: On the logic of emasculating language (A reply to Dawkins and Dummett) // *Philosophical topics.* 1995. *Journal.* 23(2). P. 221-259.
12. *Moulton J.* Sex and reference // *Sexist language: A modern philosophical analysis.* 1981. P. 183-193.
13. *Moulton J.* The myth of the neutral 'man' // *Sexist language: A modern philosophical analysis.* Totowa, NJ: Littlefield and Adams. 1981. P. 100-115.
14. *Musingafi M., Mafumbate R., Khumalo T.* The Oppressive Sexist Male Language: A Feminist Portrayal of the English Language / *Journal of Culture, Society and Development.* 2019. *Journal.* 47. P. 55-59.
15. *Penelope J.* Speaking freely: Unlearning the lies of the fathers' tongues. New York, NY: Pergamon. 1990.
16. *Saul J.* Feminist philosophy of language. The Stanford Encyclopedia of philosophy. The Metaphysics Research Lab. Centre for the Study of Language and Information (CSLI). Stanford University, 2017. [Электронный ресурс]. URL:<https://plato.stanford.edu/entries/feminism-language/#FalsGendNeut>
17. *Singular they.* [Электронный ресурс]. URL https://en.wikipedia.org/wiki/Singular_they
18. *Spender D.* Man made language. (second edition). New York: Routledge, 1985.
19. *Wodak D., Leslie S.J., Rhodes M.* What a loaded generalization: Generics and social cognition / *Philosophy compass.* 2015. *Journal.* 10(9). P. 625-635.

УДК 81

ББК 81.1

DOI: 10.24412/2658-5138-2023-8-14-23

THE UN CORPUS FROM PRAGMATICAL, TERMINOLOGICAL AND COMMUNICATIVE RESEARCH FOCUS

Elena Yu. Balashova, ORCID ID 0000-0002-9993-8116, Saratov State Law Academy, 1, Volskaya Str., Saratov, 410056, Russia, balashovaelena@yandex.ru

In our study we offer genre annotation of UN Corpus based on text-external and text-internal properties of genre prototypes. For this purpose, we will describe the linguistic features of UN Corpus' main genre prototypes. To text-external features we refer text-level features (for example, means of structuring a sentence or a legal document, annexes, extra information: years and dates, references and citations etc.) and part-of-speech features (verb forms, pronoun forms). Text-internal features are considered to be lexical (metaphors and comparisons, official

cliché, legal terminology, verb groups like suasive verbs, necessity verbs, possibility verbs, modal verbs) and syntactical (amplifiers, rhetorical means of argumentation, parentheses as a means of text logical organization, complex sentences, adverbial phrases). The inter-textual and extra-textual corpus analysis shows that communicative functions are connected with linguistic features of corpus texts.

Key words: UN Corpus, genre annotation, corpus analysis, legal terminology, pragmatic functions.

We believe that genre identification in corpora should be based on analysis of pragmatic functions for communicative needs and linguistic features which are typical for specific genres.

In the Functional Text Dimensions (FTD) framework [1] the former are presented as text-external properties, as they are defined by the communicative situation and their similarity to the genre prototypes, while the latter are presented as text-internal properties in the form of linguistic features.

In our study we experimented with annotation of the UN Corpus [2] with respect to text-external and text-internal properties. In this paper we will describe genre prototypes and their linguistic features each function. For example, the common communicative functions are the argumentative and regulatory texts, as well as texts aimed at providing reference information. The range of text-internal features include the distribution of POS tags, lexical properties (such as metaphors and comparisons, official cliché, legal terminology, verb groups like suasive verbs, necessity verbs, possibility verbs, modal verbs) and syntactical properties (amplifiers, rhetorical means of argumentation, parentheses as a means of text logical organization, complex sentences, adverbial phrases). We will present our analysis of how communicative functions are connected to linguistic features of texts in the UN corpus.

Corpus annotation, based on 20 functional text dimensions is suitable to any traditional general reference corpus with a minimum of special terminology. However, the analysis of legal papers and documents belonging to UN Corpus, shows that some basic communicative functions represented by a limited set of functional text dimensions are manifested in legal corpus either. The study of UN Corpus allowed to single out basic FTD for its annotation and to describe text-external and text-internal properties of corpus texts.

FTD scale represents the following communicative functions of a text: the *argumentative function* is realized in texts A1 (argumentative), A13 (ideopuff), A17 (evaluative); *informative function* (reporting function is closely connected with the latter) can be manifested in texts A8 (hardnews), A16 (info); *the function of command* is represented in texts A7 (instruct), A20 (appell); *the function of analysis* is realized in texts A14 (scitech); *regulative function* is represented in texts A9 (legal).

Linguistic features are subdivided into typical lexical features, syntactic features, part-of-speech features and text-level features [3]. The inter-textual and extra-textual corpus analysis shows that communicative functions are connected with linguistic features of corpus texts.

We present the description of linguistic features of UN Corpus texts according to the principles of FTD annotation.

I. Argumentative function (FTD: A1, A13, A17)

Lexical features:

- Suasive verbs (require, encourage, recommend, propose, call upon, offer, suggest, urge, appeal to etc.)
- Modal verbs (need, should, may, would)
- Verbs denoting mental processes (bearing in mind, taking into account, consider, note, believe, feel)
- Necessity verbs (need, should)
- Possibility verbs (may, might)
- Evaluative adjectives (helpful, worrisome, peaceful, welcome, unfortunate, sincere) and verbs with evaluative semantics (condemn)

Syntactic features:

- Amplifiers (do promote)
- Interrogations as a rhetorical means of argumentation
- Sentences with indefinite-personal subjects “one”, “who” (one could argue, one might argue, no one knows)
  - Impersonal sentences (It should be noted...; It must be kept in mind...; It should be emphasized...)
  - Composite conjunctions (on the one hand – on the other hand, in such a case – in any case)
  - Parentheses as a means of text logical organization (as mentioned above, in addition, in this regard)

- Subordinate clause (if-sentence)
- Concessive clause (conjunctions “while” and “since”)

Part-of-speech features:

- Future verbs
- 1st person singular and plural subject
- Present verbs

Text-level features:

- Ordinal numerals structuring parts of a sentence (first, second, third...)

II. Informative function (FTD: A8, A16)

Lexical features:

- Modal verbs (only for A8)

Syntactic features:

- Time clauses (only for A8)
- 3d person singular and plural subject (he, she, they)
- Compound sentences with the conjunction “that”
- Interrogative sentences
- Indirect speech

Part-of-speech features:

- Past verbs
- Possessive pronouns (his, her) and personal pronouns (he, she)

Text-level features:

- Future years and dates (only for A8)
- Exact past dates and exact data – per cents, sums of money, statistics (for A16)
- Annex in the text

III. The function of command (FTD: A7, A20 as a fragment in texts A16, A9)

Lexical features:

- Necessity modals
- Suasive verbs

Syntactic features:

- Conditional clauses (if-sentences)

Part-of-speech features:

- Imperatives (imperative verbs)
- Future verbs

Text-level features:

- Instructions have a strict logical structure and are divided into items and paragraphs

IV. The function of analysis (FTD: A14)

This communicative function has no specific lexical features, but it possesses a special recognizable syntax.

Syntactical features:

- Composite conjunctions and connective words structuring the text (for instance, at the same time, primary, secondary or tertiary, in some cases)
- Homogeneous parts of the sentence
- Coordinating and subordinating conjunctions (on the contrary, therefore...) for organizing the text
- Amplifiers
- Interrogations, metaphors and comparisons (ex. The door is still left open)
- Complex sentences with comment clauses (ex. While it is true that...), adverbial phrases (typically, as a result, as a consequence)

Part-of-speech features:

- Present verbs
- 1st person pronouns (we describe, we recognize, we compiled data)

Text-level features:

V. Well-organized and structured text with logical parts, paragraphs and conclusions.

VI. Regulative function (FTD: A9)

Lexical features:

- Legal terminology (multilateral agreement, legislation, obligation)
- Modal verbs (shall, should, must)
- Official cliché

Syntactic features:

- Compound sentences with connective words
- Homogeneous parts of sentences

Parts-of-speech features:

- Gerund forms (ex. Stressing that...; Reaffirming...; Expressing...)
- 1st person plural pronoun as a subject (ex. We acknowledge)

- Present verbs (in legislative draft documents)

Text-level features:

- Standard structure of legislative documents: introduction, general provisions, specific provisions, recommendations, conclusions, annex
- Homogeneous gerunds and numeration of legislative decisions in resolutions (ex. Considering..., taking into consideration... 1. Expresses..., 2. Invites..., 3. Requests...)
- References, citations and quotations of earlier documents

Legal genres via Functional Text Dimensions

All UN Corpus texts and their genres were categorized according FTD. Genre annotation is a flexible technique allowing to adopt legal texts of UN Corpus to functional text dimensions. Structurally UN Corpus texts can be classified into 4 types:

1) Texts consisting of large fragments (sometimes more than 2 paragraphs) with distinctive genre borders are more preferable for genre annotation. The most characteristic genre combination is A9 (legal texts) and A16 (informative texts).

./1994/a/49/pv_84.xml

A9 The draft resolution which the Sixth Committee recommends to the General Assembly for adoption is reproduced in paragraph 8 of the report. Under the preambular part of the draft resolution, the General Assembly would, inter alia, declare itself convinced of the continuing value of established humanitarian rules relating to armed conflicts and the need to respect and ensure respect for these rules in all circumstances within the scope of relevant international instruments. It would also stress the need for consolidating and implementing the existing body of international humanitarian law and for the universal acceptance of such law. Under the operative part of the draft resolution, the General Assembly would, inter alia, note that, in comparison with the Geneva Conventions of 1949, the number of States parties to the two additional Protocols is still limited.

A16 The General Assembly would further request the Secretary-General to proceed with the organization of the United Nations Congress on Public International Law, to be held from 13 to 17 March 1995, within existing resources and assisted by voluntary contributions, taking into account the guidance provided by the Sixth Committee at the forty-eighth and forty-ninth sessions of the General Assembly. The Assembly would also recognize the relevance of international humanitarian law and, in this connection, would invite all States to disseminate widely the revised guidelines for military manuals and instructions on the protection of the environment in times of armed conflict received from the International Committee of the Red Cross and to give due consideration to the possibility of incorporating them into their military manuals and other instructions addressed to their military personnel.

2) Texts consisting of relatively small fragments (1-2 paragraphs) with blurred borders and changing each other subgenres. A9, A1, A14, A16 is a frequent combination. Genres are changing in the context of one or two paragraphs. Texts of this type are hardly suitable for genre annotation but they might be fruitful for effective analysis of subgenres and borderline genres.

./2014/ctoc/cop/wg_3/2014/2.xml

A9 In addition to requiring States parties to deem offences under the Convention extraditable under existing treaties, the Convention also encourages States parties to give effect to its provisions when concluding new bilateral or multilateral agreements. Thus, pursuant to article 18, paragraph 30, a State party concluding a new bilateral or multilateral agreement on mutual legal assistance is to consider reflecting key provisions of article 18 of the Convention in the new agreement, including the types of assistance that may be requested (art. 18, para. 3); requirements for the content of the request (art. 18, para. 14); grounds for refusal of the request (art. 18, para. 21); a prohibition on declining requests on the ground of bank secrecy (art. 18, para. 8); and provisions on costs (art. 18, para. 28).

A1 The inclusion of such provisions in bilateral and multilateral agreements reflects the modern judicial cooperation practice drawn from a wide range of treaties. In addition to the provisions of the Organized Crime Convention itself, the Model Treaty on Extradition and the Model Treaty on Mutual Assistance in Criminal Matters are valuable tools for the development of bilateral and multilateral arrangements and agreements in the area of judicial cooperation.

A14 Of relevance are also the model bilateral agreement on the sharing of confiscated proceeds of crime or property and model treaties on issues where the Organized Crime Convention contains generic provisions, such as article 21, on the transfer of criminal proceedings, and article 17, on the transfer of sentenced persons. From the perspective of the Organized Crime Convention, many of the provisions on extradition and mutual legal assistance closely reflect the approach of the Model Treaties. The Model Treaty on Extradition, for example, contains 18 articles covering, inter alia, extraditable offences; mandatory and optional grounds for refusal; channels of communication and required documents; simplified extradition procedures; provisional arrest; surrender and postponed or conditional surrender; the rule of speciality; concurrent requests; and costs. A review of bilateral extradition treaties reveals both a number of similarities and differences with the Model Treaty on Extradition.

3) Texts with unclear genre borders, genres intermingle in the context of 1-3 sentences. Texts of this type are not suitable for genre annotation.

./2007/s/2007/10/add_43.xml

A9+A8 Summary statement by the Secretary-General on matters of which the Security Council is seized and on the stage reached in their consideration Addendum Pursuant to rule 11 of the provisional rules of procedure of the Security Council, the Secretary-General is submitting the following summary statement. <...> The Security Council resumed its consideration of the item at its 5771st (private) meeting, held on 29 October 2007

in accordance with the understanding reached in its prior consultations. At the close of the meeting, in accordance with rule 55 of the provisional rules of procedure of the Security Council, the following communiqué was issued through the Secretary-General in place of a verbatim record: On 29 October 2007, the Security Council, pursuant to resolution 1353 (2001), annex II, sections A and B, held its 5771st meeting in private with the troop-contributing countries to the United Nations Mission in the Sudan. The Security Council and the troop-contributing countries heard a briefing under rule 39 of its provisional rules of procedure by Jean-Marie Guéhenno, Under-Secretary-General for Peacekeeping Operations.

D. Berūkštienė points out, that different legal texts have different *functional, structural and linguistic features*, they are classified into genres on the basis of different criteria [4: 89]. Still it is sometimes difficult to attach a particular legal text to a particular genre. FTD annotation allows to take into consideration all those features while analyzing genre composition of UN Corpus.

Texts belonging to the same genre should have similar lexico-grammatical and functional properties. Swales considers, that «a genre comprises a class of communicative events, the members of which share some set of communicative purposes <...> exemplars of a genre exhibit various patterns of similarity in terms of structure, style, content and intended audience» [5: 58].

D. Berūkštienė treats legal texts like «special-purpose texts, which are different from other kinds of texts in respect of their text-internal and text-external properties» [4: 95-96]. Legal texts are drafted in legal language, which may be defined as a language for specific purposes. J. Lehrberger described legal language according to the following 6 text-external and text-internal parameters:

Text-external parameters:

1. Limited subject matter (law)
2. The use of special symbols

Text-internal parameters:

1. Lexical, semantic and syntactic restrictions (e.g. the use of legal terminology)
2. “Deviant” rules of grammar
3. High frequency of certain constructions (e.g. formalized sentence patterns in statutory texts)
4. Text structure (e.g. legislation or contracts) [6: 22].

Conclusions

Genre annotation is one of the most complicated kinds of corpus annotation. There are several main difficulties genre annotation presupposes in corpus-driven study. Firstly, if a corpus belongs to any sublanguage and contains a specific set of genres, its genre annotation is an elaborate task for corpus creators, as a special corpus contains many subgenres with intermingling borders. To determine the borders between genres of a special corpus belonging to a certain thematic area (for example, legal corpus) is always a difficult work. Secondly, any special corpus always contains numerous terms and terminological collocations. Terminology can also be an impediment for qualitative and quantitative corpus analysis. Thirdly, genre annotation also implies pragmatic study of extra-textual and intra-textual properties according to their functions in corpus texts. The set of pragmatic functions correlates with functional text dimensions (FTD).

Extra-textual properties contain text-level features like syntactical means of organizing sentences and structuring texts, extra-linguistic data (i.e. future and past dates, exact information – per cents, sums of money, statistics, annexes in the text, references, citations and quotations of earlier documents). *Intra-textual properties* include lexical (i.e. verbal categories: suasive verbs, necessity verbs, modal verbs, possibility verbs, verbs denoting mental processes; evaluative adjectives; legal terminology; collocations; cliché, etc.), syntactical (subordinate clauses of different types: conditional, time, concessive clauses; amplifiers; interrogations; impersonal sentences; composite conjunctions; parentheses; indirect speech; adverbial phrases; metaphors and comparisons, etc.) and part-of-speech features (present, past and future forms of verbs; possessive and personal pronouns; imperatives; gerund forms, etc.).

So genre annotation of a special corpus, representing a certain thematic area allows to analyze its statistically significant terminology, to single out the functional set of genres and subgenres and to distinguish the borders between them, to describe morpho-syntactical patterns and extra/intra-textual properties of corpus texts.

References

1. Sharoff, S. (2018). Functional Text Dimensions for annotation of Web corpora. *Corpora*, 13 (1), 65-95 (in English).

2. Ziemski, M., Junczys-Dowmunt, M., Pouliquen, B. (2016). The United Nations parallel corpus v1.0. *Proceedings of the Tenth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC'16)*. Portorož, Slovenia: European Language Resources Association (ELRA), 3530-3534 (in English).

3. Sharoff, S. (2021). Genre annotation for the Web: text-external and text-internal perspectives. *Register Studies*, 3, 1, 1-32 (in English).

4. Berūkštienė, D. (2016). Legal discourse reconsidered: genres on legal texts. *Comparative Linguistics*, 28, 89-117 (in English).

5. Swales, J. (1990). *Genre analysis: English in academic and research settings*. Cambridge: Cambridge University Press (in English).

6. Lehberger, J. (1986). Sublanguage analysis. *Analyzing language in restricted domains: sublanguage description and processing*. New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 19-38 (in English).

УДК 81-13

ББК III-10

DOI: 10.24412/2658-5138-2023-8-23-28

К ВОПРОСУ О ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ СОДЕРЖАНИИ СИТУАЦИИ БИЛИНГВИЗМА

Богачева Е.А., кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков, Саратовская государственная юридическая академия, kapitolina19@yandex.ru

Короткова М.Д., кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Саратовская государственная юридическая академия, marusia454@rambler.ru

В статье представлен анализ некоторых психологических вопросов билингвизма, среди которых можно выделить определение психологических критериев двуязычия, а также установление роли закона психической ассиметрии в билингвизме. Авторы выделяют и описывают психологическое содержание ситуации двуязычия такими критериями, как степень лингвистического расхождения применяемых говорящим языков и степень владения этими языками.

Ключевые слова: билингвизм, закон психической ассиметрии, интеграция, интерференция, переключение, лингвистическая апперцепция.

PSYCHOLOGICAL ASPECT OF THE BILINGUALISM PROBLEM

Ekaterina A. Bogacheva, ORCID ID 0000-0003-0340-840X, Saratov State Legal Academy, 1, Volskaya Str., Saratov, 410056, Russia, kapitolina19@yandex.ru

Maria D. Korotkova, ORCID ID 0000-0003-2493-2745, Saratov State Legal Academy, 1, Volskaya Str., Saratov, 410056, Russia, marusia454@rambler.ru

The article presents an analysis of some psychological issues of bilingualism, among which one can highlight the definition of psychological criteria for bilingualism, as well as the establishment of the role of mental asymmetry principle in bilingualism. The authors highlight and describe the psychological content of the situation of bilingualism with such criteria as the degree of linguistic discrepancy between the languages used by speakers and the degree of proficiency in these languages.

Key words: bilingualism, the mental asymmetry principle, integration, interference, switching, linguistic apperception.

В настоящее время теоретические и экспериментальные разработки языковой способности, а именно способности к изучению второго языка, осуществлены еще довольно слабо. Это единодушно утверждают и лингвисты, и психологи.

Г. В. Колшанский считает, что до настоящего времени психологическая наука не поставила ни одного серьезного эксперимента, способного вскрыть природу билингвизма и дать, таким образом, полноценный материал для последующего преломления его в методике преподавания [4]. Современная психология речи, лингвистика и психолингвистика создали некоторые традиции в определении понятия двуязычия, первым существенным признаком которого является момент общения на двух языках. «Умение одних и тех же лиц общаться на двух языках понимается под двуязычием» [6: 23]. «Речевые механизмы, посредством которых человек для общения использует две языковые системы» определяет билингвизм Е. М. Верещагин [3: 19]. Он же характеризует билингвизм как умения, присущие носителю двух систем общения [Там же].

В качестве самого общего исходного определения билингвизма можно принять определение А. Вейса, по мнению которого, билингвизм – это непосредственное использование двух языков [9]. К наиболее важным психологическим вопросам данной проблемы относится определение психологических критериев двуязычия, а также установление роли закона психической асимметрии в билингвизме.

Заслуживает обсуждения предложение У. Вайнрайха измерять психологическое содержание ситуации двуязычия такими критериями как

«степень лингвистического расхождения применяемых говорящим языков и степень владения этими языками» [2: 45]. Что касается первого критерия, то здесь А. Вейс предлагает относить к настоящему двуязычию употребление одним лицом литературного языка и его диалекта. Что касается второго критерия, то его применение порождает непреодолимую трудность сравнительного исследования языковых навыков и умений при пользовании билингвом разносистемными языками [5]. Недаром В. Вилдомек отмечает, что «процесс отбора нужных слов и форм во втором языке протекает до такой степени иначе, чем в родном языке, что исключается сама возможность переноса сложившегося чувства языка по отношению к родному языку в практику владения вторым языком» [8: 34]. А. Вейс обращает внимание на то, что процессы употребления языка зависят от способов его усвоения и что объем языковых умений при двуязычии зависит от формы его употребления [Там же].

У. Вайнрайх, Е. Хауген и другие исследователи билингвизма выделяют три основных вида языковых взаимодействий: интеграцию, интерференцию и переключение. Под интеграцией понимается регулярное использование в одном языке материала другого. Интерференция состоит в перекрещивающемся применении норм разных языков к одному и тому же языковому явлению. Она может обуславливаться как языковым фактором и носить в данном случае чисто структурный характер, так и факторами индивидуально-психологическими, когда языковые ошибки порождаются недостатками памяти или внимания. Переключение – это чередующееся использование обоих языков. К этому следует добавить, что наряду с видами внешнего взаимодействия языков, по мнению Вайнрайха, существуют разные виды внутренних структур двуязычия. Данный автор выделяет «подчинительную» структуру, при которой слово одного языка связывается не со своим денотатом непосредственно, а со словом доминирующего языка; «смешанную» структуру, когда равнозначные слова из разных языков воспринимаются как два знака для одного значения, и «координированную» структуру, при которой равнозначные слова двух языков воспринимаются как два отдельных знака, связанные каждый со своим значением. Естественно, что интеграция и переключение как крайние случаи внешнего взаимодействия языков способны существовать на базе любой из трех форм внутреннего строения двуязычия. И в таком случае интеграцию,

базирующуюся на координированной внутренней структуре, надо будет оценивать, как более значительный уровень двуязычия, чем переключение, основанное на подчинительной внутренней структуре [2, 7].

А. Вейс справедливо подчеркивает большой динамизм двуязычия. «Оно способно гибко изменяться по своим внешним формам и внутренним структурам в зависимости от речевой ситуации и остроты необходимости в достижении взаимопонимания с собеседником» [9: 43].

В итоге рассмотренных нами соображений становится ясно, что и второй критерий Вайнрайха малоэффективен для определения уровней двуязычия, особенно для установления того принципиального рубежа, который психологически отделяет ситуацию одноязычия от ситуации двуязычия.

Очевидно, ответ о природе билингвизма надо искать не в аспекте анализа самих языков, а в аспекте их функционирования. Представляется весьма плодотворным тезис Е. Хаугена: «Двуязычие начинается уже с понимания смысла отдельных высказываний на другом языке» [7: 34].

Следует заметить, что для формирования двуязычия очень важно то, чтобы отдельные высказывания на другом языке при их восприятии слушающим схватывались бы им на основе координированной структуры внутреннего ассоциирования между соответствующими единицами двух языков. А это становится возможным только при том условии, когда единицы второго языка становятся самостоятельным орудием мышления и когда появляются зачатки способности мыслить на втором языке.

С точки зрения интересов мышления и познания, двуязычие выгодно именно тем, что каждому языку присуща известная лингвистическая апперцепция, и поэтому переход мысли с одного языка на другой, как констатируют В. А. Богородицкий, «влечет за собой некоторое изменение в восприятии самой действительности и через это обогащает познавательные возможности билингва» [1: 67]. Итак, подлинная психологическая сущность билингвизма состоит в способности мыслить на двух языках.

Устанавливая роль закона психической асимметрии в билингвизме, важно помнить, что соотношение двух языков в сознании и речи индивидов динамично и под влиянием различных обстоятельств общения может в любое время меняться. При этом следует учитывать, что функциональная природа языков тесно связана с законом психической асимметрии, который

характерен для деятельности человеческого мозга. Психическая асимметрия неизбежна при двуязычии. Обычно доминирующим оказывается родной язык.

Но что должно произойти со структурой двуязычия, если ребенок с раннего детства будет пользоваться двумя языками, которые выступят для него в равных ролях? Нельзя ли таким путем уравнивать языки и преодолеть психическую асимметрию?

Такие попытки предпринимались не один раз. Наиболее характерны монографические наблюдения Ж. Ронжа за «сыном, который пользовался двумя языками с самого начала возникновения у него речи. По совету французского лингвиста Граммона отец развел участки коммуникации для двух языков по принципу «один язык-один человек», получившему название «принцип Ронжа». Ребенок говорил с отцом только по-французски, а с матерью- только по-немецки. При этом было достигнуто полное усвоение языков» [5: 12]. Однако психическую асимметрию преодолеть не удалось: немецкий язык как «язык матери» стал ведущим в эмоциональной коммуникации и в эмоциональной сфере личности, а французский «как язык отца» - в мыслительной. Таким образом, сложилась переменная психическая асимметрия в структуре двуязычия для двух родных языков.

К аналогичным выводам пришел М. Павлович, который вел наблюдения за своим сыном до 2 лет, когда тот осваивал французский и сербский языки. В. Леопольд, будучи немцем по национальности, наблюдал за развитием двуязычия у своей дочери в условиях английской языковой среды. Естественно, что жизнь в США обусловила английскому языку более сильные позиции в сознании девочки. Английский язык стал доминирующим. В силу этого, его влияние на немецкий язык, почти исключительно в области лексики и синтаксиса, было более заметным, чем обратное влияние.

Таким образом, можно полностью согласиться с мнением Вейса о том, что одинаковое владение языками противоестественно. Высшую форму двуязычия представляет переменная психическая асимметрия во взаимодействии двух языков применительно к разным участкам коммуникации.

Список литературы

1. *Богородицкий В. А.* Общий курс русской грамматики. М.: Едиториал УРСС, 2011.
2. *Вайнрайх У.* Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Киев: Киевский гос ун-т, 1979.
3. *Верещагин Е. М.* Вопросы теории речи и методики преподавания иностранных языков. Москва.: МГУ, 1969.
4. *Колшанский Г. В.* Лингвистика и методика в высшей школе // Сб. науч. тр. Москва: Моск. гос. пед. ин-т иностран. яз. им. Мориса Тореза, 1983.
5. *Сивакова Ю.Н.* Речевое развитие личности в условиях билингвизма Крайнего Севера: автореф. дис. ... канд психол. наук. Санкт-Петербург, 1998.
6. *Япикевичус А. И.* Психология формирования многоязычия: автореф. дис. ... докт. псих. наук / Вильнюсский гос. ун-т им. В. Капсукаса. Вильнюс, 1970.
7. *Haugen E.* Language Conflict and Planning: the Case of Modern Norwegian. Cambridge, Mass., 1966.
8. *Vildomec V.* Multilingualism. Leyden, 1963.
9. *Weiss A.* Hauptprobleme der Zweisprachigkeit. Heidelberg, 1959.

References

1. Bogorodickij, V. A. (2011). Obshhij kurs russkoj grammatiki [General course of Russian grammar]. M.: Editorial URSS (in Russian).
2. Vajnrajh, U. (1979). Jazykovye kontakty. Sostojanie i problemy issledovanija [Language contacts. Status and research problems]. Kiev: Kievskij gos un-t (in Russian).
3. Vereshhagin, E. M. (1969). Voprosy teorii rechi i metodiki prepodavanija inostrannyh jazykov [Questions of the theory of speech and methods of teaching foreign languages]. Moscow: MGU (in Russian).
4. Kolshanskij, G. V. (1983). Lingvistika i metodika v vysshej shkole [Linguistics and methodology in higher education] // *Sb. nauch. tr. Mosk. gos. ped. in-t inostran. jaz. im. Morisa Toreza* [Collection of scientific works of the Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages. Maurice Thorez]. Moscow: Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages named after Maurice Thorez (in Russian).
5. Sivakova, Ju.N. (1998). Rechevoe razvitie lichnosti v uslovijah bilingvizma Krajnego Severa [Speech development of personality in the conditions of bilingualism of the High North]: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. Sankt-Peterburg (in Russian).
6. Japikevichus, A. I. (1970). Psihologija formirovanija mnogojazychija [Psychology of the formation of multilingualism]: avtor. dis. ... d-ra psiholog. Nauk. Vilnius State University by V. Kapsukas (in Russian).
7. Haugen, E. (1966). Language Conflict and Planning: the Case of Modern Norwegian. Cambridge, Mass. (in English).
8. Vildomec, V. (1963). Multilingualism. Leyden (in English).
9. Weiss, A. (1959). Hauptprobleme der Zweisprachigkeit. Heidelberg (in English).

*УДК 8111'276.6**ББК 81.2 Англ.-3*

DOI: 10.24412/2658-5138-2023-8-29-35

THE GENDER SPECIFICS OF LEGAL TERMINOLOGY

Volgina, E.V., ORCID ID: 0000-0001-6381-8641, Saratov State Law Academy, 1, Volskaya str., Saratov, 410056, Russia volginalena@rambler.ru

Due to the fact that law today is considered from a gender perspective, the study of gender aspect of formation and functioning of terminology is highly relevant. The aim of this paper is to identify the features of a legal term as a unit of special vocabulary and to explore the potential of English legal terms to explicit gender meanings. For this purpose, the method of discursive analysis is applied to examine modern and traditional approaches to the definition of the concept of “term”; to study the interpretation of the term “gender” as a discursive factor; to analyze the gender aspect of legal relations. The result of the research is the substantiation of legal discourse as an essential factor in constructing gender meanings of English legal terms. The gender specific phenomena are integrated into terminological system through structure and definitions of terms. As a result, legal terms may change the gender-neutral meaning embedded in them into gendered one.

Keywords: legal terminology, legal notion, gender, legal discourse, gender bias, gender discrimination, legal relations.

Introduction

Terminology is a scientific discipline which studies terms and terminological systems. Terminological vocabulary is defined as a set of lexical units that reflects the achievements of science.

One of the central issues of theoretical terminology is the problem of determining the status of a term. Until the 1970s, this problem was the subject of a lively discussion among linguists working in different directions, and in particular, terminology specialists themselves. This is evidenced by the presence of a large number of works, as well as materials of special conferences. Despite the diversity and sometimes inconsistency of the definition of the word “term”, by the 70s, terminologists had established an understanding of the term as “words or phrases of a special (scientific, technical, etc.) language created (accepted, borrowed, etc.) for the exact expression of special concepts and the designation of special objects” [9: 26].

At the same time, two opposite tendencies can be noted - on the one hand, the desire to take the terms out of the language, and on the other hand, to identify terms with commonly used vocabulary. So, some scientists consider the term in isolation, as an ideal sign that has unambiguity, accuracy, consistency, emotional neutrality. These linguists also note that the term must have a strictly and precisely formulated definition and, as a result, not depend on the context. S.M. Burdin wrote that while the clarifier of the meaning of an ordinary word is the context, “the semantic boundaries of the term are determined by the definition, its content is revealed in the process of movement of the forms of a certain scientific concept” [6: 57].

However, not all terms meet these requirements. Many linguists adhere to a functional point of view on the nature of the term, the essence of which is formulated by G.O. Vinokur and it is as follows: “any word can act as a term... Terms are not special words, but only words in a special function” [13: 5].

This paper presents an attempt to identify the features of legal terms as a special vocabulary and to explore the influence of the gender system on the structure and content of English legal terms.

1. Statement of the problem

A term is a word or phrase denoting the concept of a special field of knowledge or activity. A term enters the general lexical system of a language only through a specific terminological system (terminology).

However, one of the main properties of the term, namely, the tendency towards unambiguity within its terminological field, is not always realized in practice. A number of authors distinguish a characteristic feature of terminology - internal polysemy - the ambiguity of a term within a single term system. Most terminologists agree that terms are polysemantic and only the context allows us to understand in which of the meanings a polysemantic term is used [2: 345]. As part of our study, we consider the context as a way of actualizing the gender meaning of the term, which is not explicitly expressed in the definition. Contextual implementation of gender meanings suggests their explication during the functioning of the term in legal discourse, i.e. in non-conceptual content. Thus, the point of view of the supporters of the functional theory makes it possible to take a somewhat broader look at the term and its meaning.

Summing up the most constructive ideas of domestic and foreign linguists, the concept of “term” can be defined as follows: “a term is the basic unit

of science, special branches of knowledge and areas of human activity, designed to nominate objects and processes and at the same time serve as a means of knowing the world around” [8: 14]. This definition suggests two levels in the terminological system - conceptual and linguistic. Most researchers believe that the meaning of the term is equal to the concept. “There are two ways to show a concept, to make it accessible to perception: with the help of a term - a verbal nominative unit - and with the help of a definition - a phrase constructed in a certain way ... The definition refers to both the concept and the term, so we can talk about the definition of the concept and the definition of the term. A term names a concept and is constituted with the help of a definition” [12: 161].

2. Methods and Materials

Terms, as a distinctive feature of professional communication, have a close connection with the ideology of the society in which they occur. The unity of language practice and extralinguistic factors (significant behavior manifested in forms accessible to sensory perception) necessary for understanding the text, i.e. giving an idea of the participants in communication, their attitudes and goals, the conditions for the production and perception of a message, is traditionally accumulated in the concept of discourse, which is considered as an ordered written, but most often verbal message of an individual.

As far as the notion of gender is interpreted as a discursive factor, legal discourse is essential for us as a means of constructing gender meanings of legal terms. Discursive analysis can be applied to legal texts in the research of legal terminological units.

Currently, the science of English law covers various branches (criminal law, constitutional law, tort law, trust law, contract law, commercial law, family law, criminal and civil court proceedings, etc.). In this regard, legal terminology is understood as a set of legal terms correlated with the concepts of branches of law. A legal term is a word or phrase that expresses a certain concept of law. The terminology of law is, first of all, a system of units used to express concepts related to the public and private life of a person, the rules and norms for regulating relations between people, between a person and society.

It is generally recognized that some legal terms are ambiguous. However, many linguists emphasize that polysemy in terminology is interstylistic, interbranch and onomasiological. As our study has shown, the ambiguity of the term within its terminological field may be due to gender factors,

for example, the different stereotypical behavior of men and women determines the ambiguity of the term *soliciting*, which has different meanings depending on who is the subject of the crime. If it is a man, *soliciting* means “*harassment*”; if it is a woman, *soliciting* means “*molestation*” (about a prostitute). Certain types of crimes can be committed more often against women, which also determines the presence, along with gender-unmarked, gender-marked meaning of the same term within the same terminological field.

The term optimizes the process of professional and scientific communication and reflects the results of people's practical activities, which contributes to the development of human knowledge [1; 4]. An important feature of legal terms, as a means of professional communication, is their close connection with the worldview, with various political and legal theories, scientific areas, and legal experience. One of the characteristic features of legal terminology is its widespread use. A wide variety of social relations are the subject of legal regulation. There is practically no sphere of life that is not directly or indirectly affected by law. Discourse is viewed as a complex phenomenon that performs various functions (rhythmic, referential, semantic, emotional-evaluative, etc.), and not just as a textual or dialogic structure. Legal discourse is aimed not only at an accurate description of the state of affairs in social reality, but on the implementation of actions to change it, which indicates the goal of normalizing and regulating this reality, which is specific to this discourse. Legal discourse is “a complex, the components of which are the participants of communication, the text, as well as the situation of communication” [11: 31].

Due to the fact that law today is considered from a gender perspective, it seems important to consider in more detail the gender aspect of legal relations.

3. Results

There is an opinion that the crimes committed by men and women reflect the place they occupy in society. Men's crimes remain masculine because of differences in socialization: men's activities are “outside the home”. “It is often claimed that women's crimes tend to reflect their place in society [7]. In part this is due to their experience of much greater levels of informal social control outside the formal agencies. Females are more tightly controlled in their leisure activities – by parents, by partners, by families, by childcare arrangements, or by church. These all can be seen as giving particular attention to assuring the conformity of women who are less ‘at risk’ outside the home because they are less often out

(or allowed to go out) in dangerous situations. “It is nothing new to suggest that traditional women's crimes are linked to domestic life such as shoplifting and social security fraud” [10: 312]. Such a view is recognized as simplistic: “This apparent link is difficult to deny although a simplistic link between expressions of women's role and their offence choice is inappropriate. For example, the crime of shoplifting. As Allison Morris points out all women shop but only some shoplift. In this example the generalisability problem comes into effect when theories used to explain female crime are grafted on to explain male crime although this is not an exercise that is ever carried out, and would result, if the doing gender doing difference perspective were also taken on board, in male shoplifters being labeled homosexual” [7].

There is a symptomatic leveling of differences, including gender differences, in those discursive practices that today are becoming decisive for the stability of social institutions. A striking example is the discourse of human rights, which is based on the denial of differences and the priority of the concepts of freedom and equality.

There are two points of view on the problem of gender equality. On the one hand, many people believe that human rights should be realized regardless of their race, gender, sexual orientation, etc. Compare: “Many people assume that the law requires that all people should be treated the same, regardless of race, gender, disability, sexual orientation, gender reassignment, or age” [5: 18]. There was a period when it seemed that this could be achieved by legislating for women and men equal rights to education, political participation, equal pay for equal work, and so on. When this egalitarian pattern was achieved in the middle of the 20th century, it turned out that formal law does not mean actual law [3]. Therefore, on the other hand, modern jurisprudence proceeds from the fact that the need to recognize the differences between male and female citizens requires building rights differently in relation to both; therefore, not one, but each of the sexes should be considered as an independent construct of law.

Conclusion

The legal terminology is an integral part of narrow professional communication as well as a much broader social context. Thus, the gender factor is manifested in the legal terminological notions and is represented by legal terms. The gender specific phenomena are integrated into terminological system and refer to the ideas about male and female roles dominant in a given society. As a result,

gender-neutral legal terms may change the meaning embedded in them into gendered one.

The features of a legal term are related to their role as legal markers in terms of social interaction. These linguistic units go beyond the exclusively legal field and are influenced by social factors. The specificity of the legal term, therefore, is expressed in the fact that this language unit conveys special knowledge and social knowledge. The discourse within which the term functions leads to such features of the legal term as polysemy and context dependence.

All the facts mentioned above indicate that many aspects of law are of a gender nature. This is manifested in the fact that laws are not only abstract regulators, but also one of the main mechanisms for the formation of gender relations.

References

1. Aleksandrova, T.A., Lazovskaja, N.V. (2022). Primenenie leksiko-semanticheskikh transformacij pri perevode juridicheskikh tekstov s anglijskogo jazyka na russkij [Application of Lexico-semantic Transformations in the Translation of Legal Texts from English into Russian]. *Jazyk nauki i professional'naja komunikacija* [The Language of Science and Professional Communication], 1(6), 6-16 (in Russian).
2. Alekseeva, T.E., Fedoseeva, L.N. (2019). Strukturno-semanticheskie osobennosti i sposoby perevoda anglojazychnyh juridicheskikh terminov: terminosistema ugolovno go prava [Structural-semantic features and ways of translating English-language legal terms: term system of criminal law]. *Baltijskij gumanitarnyj zhurnal* [Baltick Humanitarian Journal], 8, 2(27), 344-347 (in Russian).
3. Antologija gendernoj teorii [Anthology of Gender Theory] (2000). Minsk: Propilei (in Russian).
4. Balashova, E.Ju., Lazovskaja, N.V. (2022). Problemy perevoda juridicheskoi teominologii v aspekte mezhdunarodnogo pravovogo diskursa [Problems of Translation of Legal Terminology in the Aspect of International Legal Discourse]. *Jazyk nauki i professional'naja komunikacija* [The Language of Science and Professional Communication], 1(6), 34-44 (in Russian).
5. Brayne, H., Carr, H. (2003). *Law for Social Workers*. Oxford: Oxford University Press (in English).
6. Burdin, S.M. (1958). O terminologicheskoi leksike [About Terminological Vocabulary]. *Filologicheskie nauki*. 4, 57-64 (in Russian).
7. Davies, P. (1999). Women, crime and an informal economy: Female offending and crime for gain. URL: <https://www.britisoccrim.org/volume2/001.pdf> (in English).

8. Grinev, S.V. (1993). *Vvedenie v terminovedenie* [Introduction to Terminology]. M.: Mosk. Licej (in Russian).
9. Ivina, L.V. (2003). *Lingvo-kognitivnye osnovy analiza otraslevykh terminosistem (na primere anglo-jazychnoj terminologii venchurnogo finansirovaniya)* [Linguo-cognitive Foundations for the Analysis of Industry Term Systems (on the Example of the English-Language Terminology of Venture Financing)]: *uchebno-metodicheskoe posobie*. M.: Akademicheskij Proekt (in Russian).
10. Levi, M. (1994). *Violent Crime*. The Oxford Handbook of Criminology / Ed. by M. Maguire, R. Morgan, R. Reiner. Oxford: Clarendon Press, 295-354 (in English).
11. Novikova, E.R., Poljakov, O.G., Hausmann-Ushkova, N.V. (2020). *Juridicheskij diskurs kak predmet izuchenija i prepodavanija na zanjatijah po inostrannomu jazyku special'nosti* [Legal Discourse as a Subject of Study and Teaching in the Classroom in a Foreign Language Specialty]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki* [The Bulletin of Tambov University. Series of Humanitarian Sciences], 25, 189, 31-38 (in Russian).
12. Superanskaja, A.V. (1989). *Obshhaja terminologija: Voprosy teorii* [General terminology: Questions of Theory]. M.: Nauka (in Russian).
13. Vinokur, G.O. (1939). *O nekotoryh javlenijah slovoobrazovanija v russkoj tehničeskoj terminologii* [On Some Phenomena of Word Formation in Russian Technical Terminology]. *Trudy Moskovskogo instituta istorii, filosofii i literatury* [Proceedings of Moscow Institute of history, philosophy and literature], 5, 3-54 (in Russian).

УДК 81

ББК 81.1

DOI: 10.24412/2658-5138-2023-8-35-44

THE SEMANTIC-PRAGMATIC FEATURES OF ENGLISH MULTIFUNCTIONAL ADVERBIALS IN SPOKEN DISCOURSE OF THE COURTROOM PARTICIPANTS: THEORETICAL FRAMEWORKS AND TRANSLATION STRATEGIES

Anatoly M. Molodkin, ORCID: 0000-0002-3448-8089, Saratov State Law Academy,
1, Volskaya Str., Saratov, 410056, Russia

The article is devoted to the study of frequently found in everyday English language use three language units *actually*, *in fact* and *really* from the point of view of the similarities and differences between them when used in discursive and semantic meanings and their corresponding translations into Russian. Their multifunctional nature, being closely related in the meaning of actuality and reality, as their different degrees of grammaticalization and significant culture bound character often cause problems in translation. The use of quantitative and qualitative methods of contrastive research of the data obtained, makes it possible

to understand better the scope of their multifunctionality. Special attention is given to the correlation with their translation correspondences in Russian in the area of functional and semantic equivalence, in particular, in the process of spoken interaction in the legal-related sphere.

Key words: adverbials, discourse markers, semantic and pragmatic meanings, translation correspondences.

Introduction

The language units under consideration in their discursive meaning are generally used to produce coherent dialogue among the participants of communication, clarify their intentions, and at the same time signal what they are trying to express in the discourse. In general, there is no one-to-one correspondence between two languages in the field of discourse markers: usually their correlation in the target language does not have the same pragmatic meaning and become a challenge for translation interpretation. The translators must take into account the multifunctionality of these elements in order to determine which meanings belong to semantics and which to pragmatics. In addition, it is necessary to relate these markers with the statement, the context and the interlocutor in the process of the translation activity. In the process of translation these particles are often omitted for the sake of brevity. The important thing is to consider whether the omission affects the balance between interpersonal and semantic meaning. In this paper we will examine the translation from English to Russian of the particles *actually*, *in fact* and *really* based on text fragments in the speeches that appear in courtroom spoken discourse participants.

Theoretical background and review of literature

In the last decades, research on discourse markers has produced a significant amount of literature, which represent different theoretical frameworks and approaches to them. The various terms, such as discourse connectives [1], discourse particles [2], including less common ones as discourse operators, illocutionary particles (3; 4) etc. illustrate the diversity of functions they perform in everyday human interaction. Numerous studies of the features and functions of these language units allowed researchers to include various groups of words in their domain (conjunctions, prepositions, adverbs, etc.) and apply a variety of scientific approaches (communicative, pragmatic, etc.), based on which various classifications have been developed. Despite the variety of “discourse marker” definitions, different interpretations of their linguistic and functional variability

as well as approaches to their study, many authors agree that the main functions of discourse markers (henceforth DMs) are to provide coherence in discourse, semantic integrity of communication, expression of speaker's emotional attitude to the different kinds of situations, as well as the regulation of communicative process.

The study of pragmatic functions of DMs became crucially important for understanding the specifics of different kinds of language and speech functionality. A lot of studies in different languages, genres and interactive contexts deal with their definition, classification and functions.

Although numerous studies have been done to specify the meanings, functions or classifications of discourse markers, there was no common understanding of this issue. From their above-mentioned terms, it appears that there are two common factors characterizing them. Namely, they are of a discursive nature and operate at the discourse level, and they have a pragmatic essence, serving a wide variety of pragmatic functions. Yet due to fact they nearly are found in all languages, and their pragmatic force is easy to note in verbal interaction, some special features of DMs concerning their phonological, morphological, syntactical, semantic structures and pragmatic points of view have long been recognized by many scholars.

From the morphological point of view, they do not belong to one single word class and can be adverbials, interjections, coordinate conjunctions, subordinate conjunctions [1]. They are not integral to the syntactic structure of the utterance and if are removed from an utterance, the syntactic construction of discourse will not be considered ungrammatical [5]. Their semantic representation is unapparent, because DMs have little or no effect on the propositional meaning of the utterance and make no contributions to its content. So if they are eliminated from discourse strings, the semantic meanings will remain untouched. Finally, from a pragmatic point of view, DMs are different from ordinary linguistic items in terms of their multifunctional nature and their importance and the pragmatic values with which they are associated are not controversial [5].

According to L. Brinton DMs as lexical items have the following features: they are optional, marginal in respect to word class, syntactically quite free, empty of lexical meanings; they do not have propositional meanings or grammatical functions and are difficult to translate [6]. However, in order to analyze translation strategies, a reliable way of finding translation equivalents is mapping individual

DMs' functional spectra for establishing semantic-pragmatic fields. In this case, it would be easier to find out how they match their correspondences in the functional and semantic equivalence domain using for this purpose different types of corpora.

Problem statement

One of the central problems of translation theory is the nature and conditions of translation equivalence. The notion of equivalence has caused a lot of different points of view on its role in translation studies, and many different theories have emerged regarding it. In order to disclose the essence of equivalent relations established between similar levels of content of the original and translation texts, various methods were proposed. Using different approaches, the scholars have provided fruitful ideas for further study on this topic. Most of them adopt a pragmatic/semantic or functionally oriented approach to translation. Taking into consideration the fact that the focus on the transmission of the communicative effect of the original text determines the importance of adequate translation of these units in their discursive meanings, we use functional approach to their translation and examine the basic principles and stages of their interlingual transmission.

Research Questions

The article is aimed at answering the following questions:

- how *actually*, *in fact* and *really* overlap in their pragmatic and semantic meanings;
- how their discursive use from adverbial one can be differentiated and what are their most common Russian translation correspondences;
- how they can be interpreted depending on the context and what are their translation counterparts.

Purpose of the Study

The purpose of this work is to study and analyze the various characteristics of multifunctional nature of the language units in question, their communicative orientation and to provide an inventory of their translation solutions. The paper aims to reveal how the pragmatic and semantic meanings of *actually*, *in fact* and *really*, acting as discourse markers and adverbials in the legal-related sphere, are expressed in Russian focusing on the scope of their multifunctional nature and to find out how they match their correspondences in the domain of functional and semantic equivalence.

Research Methods

In this study we have applied the following scientific methods: the continuous sampling method to collect and analyze the language material; the descriptive method to summarize and interpret the material under study; communicative-pragmatic method aimed at identifying the communicative intentions of speakers; context analysis method and quantitative analysis to organize the research material. Data for analysis are drawn from the collection of English subtitles and their corresponding Russian translations extracted from the first two seasons of the Netflix Documentary series *Making a Murderer* [7].

335 language units were found, of which 95 instances were of *actually*, 34 instances – of *in fact*, 206 instances – of *really*.

Findings

In the course of the analysis and systematization of semantic and pragmatic meanings we have identified in the language material that the common translational variant for them is their omission or zero correspondences (nearly 72% of cases). This fact seems to indicate that often given particular adverbials express a type of meaning that tends to be left out in translations into Russian. Their most common Russian translation correspondences with a relatively close meaning are *на самом деле, действительно, фактически, даже, вообще-то, ведь, в общем, собственно (говоря)*. Some of adverbials under consideration have few translation options, such as *actually – именно, in fact – по сути, really – крайне*. In the most general form a core semantic meaning for the adverbials in question in comparison with their Russian translation correspondences is that they refer to some actual fact as a fact of reality and in this regard, the function of indicating the actual state of affairs may be considered their basic or initial function.

A significant range of translations demonstrates their multifunctional nature being the result of development of other functions often found in colloquial speech. The most frequent and common translation correspondences of *actually* and *in fact* which is *на самом деле* while in reference to *really* it is less frequent. If we compare their translation correspondences we note overlaps of their semantic domains, or, according to K. Aijmer, shared meanings which are close to each other in the semantic space and by means of translations we can get some clues to what meanings are shared by adverbs, what meanings are unique to an adverb, which meanings are the most prototypical or frequent ones, etc. [8].

According to S.Y. Oh, the linguistic items *in fact* and *actually* are generally held to be “interchangeable”; in addition, they are “frequently found in everyday language use,” and both linguistic items are considered multifunctional. There is no need to differentiate the discursive use of *in fact* from the non-discursive one in terms of its meaning / function depending of its position in an utterance, because it is used mainly as a discourse marker. Its varied functions may be applied in the same way in whatever position it is placed in spoken discourse [9], for example:

(1) The State did not produce any evidence to support the charges it seeks to add, at the time of the original preliminary examination. **In fact**, the State does not claim it was in possession of any such evidence to support those charges at the time of the original prelim.

Прокуратура не представила никаких дополнительных доказательств в поддержку обвинений, выдвинутых во время предварительных слушаний. На самом деле, она не утверждает, что располагала какими-либо такими доказательствами в поддержку этих обвинений во время предварительного расследования.

(2) Earl Avery, when he testified, **in fact**, denied that he ever gave consent.

Эрл Эйвери, когда давал показания, фактически отрицал, что когда-либо давал согласие.

(3) We have turned over some reports just in the last few days, **actually**.

Вообще-то, мы передали некоторые отчеты буквально за последние несколько дней.

To express a refutation of a previous information in Russian or to confirm it in semantic and pragmatic meanings, *на самом деле* and *в самом деле* are often used. As a member of the sentence, *на самом деле* is freely combined with adversary conjunctions *а, но (but), однако (however)*, while *в самом деле*, such use is not typical. There are also stylistic differences between these expressions: *в самом деле* is used to argue in favour of the previous statements, and is to bring counter-arguments [10]. A similar phenomenon is observed for *actually* and *in fact*. As discourse markers, they can indicate the opposition to a new information to what was said earlier being preceded by the adversative conjunctions *but*, or *and*:

(4) Nothing on the videotape visually depicts Brendan Dassey as being frightened or intimidated by the questions of either investigator. On occasion, the interviewers purported to know details and **in fact** this was not true.

*Ничего на этой видеозаписи не указывает на то, что Брендон Дейси был напуган вопросами кого-либо из следователей. Иногда следователи делали вид, что знают подробности, которых **на самом деле** не знали (extracted from a defence lawyer's speech in court).*

(5) We really need you to be honest this time with everything, OK? If **in fact** you did some things which we believe some things may have happened that you didn't want to tell us about, it's OK.

*Будь с нами честен, хорошо? Если ты **в самом деле** что-то сделал, а мы полагаем, что кое-что могло произойти, но ты не хотел говорить об этом, ничего страшного. (extracted from a police interview).*

Along with *на самом деле*, *вообще-то* is considered to be one of the closest translation equivalents among others of *actually* and *in fact*. However, in some cases, depending on the context, it can be used in its functional meaning as a mitigator indicating some problems on the interpersonal level in order to minimize the degree of imposition of face-threatening acts and to produce face-saving acts. Example (6) presents the use of *actually* when a police officer giving testimony in court implements the strategy of indetermination in the dialogue with the judge that adds vagueness, minimizing the force of statements in relation to the superior authorities:

(6) Well, we **actually** had instances where people attempted to change what they had said to the investigators for the attorney general's office when we were deposing them.

Вообще-то, у нас бывали случаи, когда люди пытались изменить сказанное следователям Генеральной прокуратуры, когда мы допрашивали их.

The extract (7) from the testimony of the coroner in court against the sheriff, who tried to remove her from work at the crime scene, demonstrates some difficulties that may arise if the chosen translation variant does not correspond to the surrounding context. Along with the function of mitigation *actually* can be perceived as a clear threat:

(7) But when I got there, at that time, I was told I will not be going out to the case, I will not be going out to the scene, and if I do, I will be arrested. And **actually**, in the State of Wisconsin, the coroner is the top law enforcement official when there is a body or remains. And the coroner is the one who can arrest the sheriff. So, he's threatening to arrest me?

Но когда я приехала, мне сказали, что я не буду заниматься этим делом и не поеду на место преступления, иначе меня арестуют. Но вообще-то в штате Висконсин коронер - старший по званию в органах, если дело касается трупа или останков. Это коронер может арестовать шерифа. А он угрожает арестом мне? (extracted from the testimony of the coroner in court).

According to D. Biber, *really* is frequently used as a modifier of a variety of adjectives, particularly with the four most common collocates “good”, “nice”, “bad” and “funny” in both British and American conversations and as amplifier in conversations [11]. Due to this fact, the most common Russian translation correspondences of *really* are *правда* (the truth is), *очень* or *необычайно* (extremely) and their synonyms:

(8) I **really** do think he was framed. You know? There's a lot that points to where the Sheriff's Department could've had something to do with it.

Я, правда, думаю, что его подставили. Знаете, очень многое указывает, что в управлении шерифа вполне могли так поступить.

(9) Today, I think, is, and has to be...focused on this **really, really** important case.

Полагаю, сегодня всё внимание следует...уделить этому необычайно важному делу.

When *really* is used in a discursive meaning, for example, being either in initial or final position, it focuses the hearer's attention on the importance of the whole message (10):

(10) I don't see what I really did wrong to the sheriff for him to pick on me like that. I **really** ain't got much on my record. Two burglaries with my friends.

Я не понимаю, что я сделал шерифу, что он обошёлся со мной вот так. На самом деле у меня не так уж много на счету. Два ограбления с друзьями.

Conclusion

The multifunctionality or diversity of functions performed by the adverbials under consideration in everyday human interaction (such as the provision of coherence in discourse, semantic regulation of integrity of communication, etc.) aroused considerable interest among linguists. In this paper we have attempted to check how the pragmatic and semantic meanings of *actually*, *in fact* and *really*, acting as discourse markers and adverbials, are expressed in Russian focusing on the scope of their multifunctional nature and to find out how they match their correspondences in the functional and semantic equivalence domain. The analysis of *actually* and *in fact* in their discursive use in legal domain from the point of view of their translation shows that the dominant role of their translation equivalent belongs to *на самом деле*. Having much in their common function of indicating the actual state of affairs, they have some differences when used in adversative and elaborative contexts. In its turn, in a pragmatic sense *really* is used to a greater extent in the function of convincing that the true state of affairs does not correspond or contradicts someone's beliefs or expectations.

Along with *на самом деле*, *вообще-то* is considered to be one of the closest translation equivalents of *actually* and *in fact* among others. However, in some cases, depending on the context, it can be used in its functional meaning as a mitigator indicating some problems on the interpersonal level in order to minimize the degree of imposition of face-threatening acts and to produce face-saving acts. The examination of the use of *действительно*, *фактически*, *даже*, *ведь* and others, acting in the role of translation correspondences of the language units in question in their discursive meaning, shows their function to draw attention to a relevant fact for a given situation, close to their meaning of parenthetical words in Russian. In general, the textual evidence from made it possible to see the diversity of translation solutions.

This study might have practical value to many disciplines in applied linguistics domains, such as discourse analysis, sociolinguistics, and pragmatics. More importantly, it could benefit the field of English language acquisition, by shedding light on the significance of teaching discourse markers to the learners for developing their communicative and conversational competence within a pragmatic domain. Therefore, another important applied aspect of their study is related to the translation needs and the results also might be used as an assignment for teachers, advanced English learners and legal translation students.

References

1. Fraser, B. (1998). Contrastive discourse markers in English. In A. Jucker and Y. Ziv, ed., *Discourse Markers: Description and Theory*. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 301-26 (in English).
2. Aijmer, K. (2002). *English Discourse Particles: Evidence from a Corpus*. Amsterdam: John Benjamins. URL: <https://www.researchgate.net/publication/261669337> (accessed 1 April 2023) (in English).
3. Hervey, S.G. (1998). Speech acts and illocutionary function in translation methodology. In: Leo Hickey (ed.), *The Pragmatics of Translation*, 10-24 (in English).
4. Minchenkov, A.G. (2008). Prilozheniye kognitivno-evristicheskoy modeli k perevodu chastitsy *actually*. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [The Bulletin of Russian State Pedagogical University named after A.I. Gertsen], 66, 74-81 [Elektronnyj resurs]. <http://elibrary.ru/item.asp?id=11696623> (accessed 25 January 2023) (in Russian).
5. Schiffrin, D. (1987). *Discourse markers*. Cambridge: Cambridge University Press. URL: https://www.academia.edu/4897247/Maschler_Yael_and_Schiffrin_Deborah._2015 (accessed 10 March 2023) (in English).
6. Brinton, L. (1996). *Pragmatic Markers in English: Grammaticalization and Discourse*. Berlin, New York: De Gruyter Mouton (in English).
7. Making a Murderer. Series 1 (2015) and 2 (2018).
8. Aijmer, K. and Simon-Vandenberg, A.M. (2004). "A model and a methodology for the study of pragmatic markers: The semantic field of expectation." *Journal of Pragmatics* 36: 1781-1805. URL: <https://www.academia.edu/13020642/> (accessed 4 April 2023) (in English).
9. Oh, S.-Y. (2000). *Actually and in fact in American English: a data-based analysis*. *English Language and Linguistics*, 4(2), 243-268 (in English).
10. Buglak S. I. (1994). V samom dele ili na samom dele (o yavlenii paronimii v yazyke) // *Russkaya rech'*, 2, 54-58 (in Russian).
11. Biber, D., Johansson, S., Leech, L., Conrad, S., Finegan, E. (1999). *Longman Grammar of Spoken and Written English*. Harlow: Pearson Education (in English).

ЛИНГВОДИДАКТИКА (LINGUISTIC DIDACTICS)

УДК 37.02

ББК 74.48

DOI: 10.24412/2658-5138-2023-8-45-56

**ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ
СТУДЕНТОВ НАПРАВЛЕНИЯ «ТУРИЗМ» В КОНТЕКСТЕ
ОБУЧЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Баурова Юлия Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Производственный менеджмент», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А., Россия, workingday08@mail.ru

Богачева Валерия Павловна, студентка 2 курса Института прокуратуры ФГБОУ ВО «СГЮА», Россия, v.bogachyowa@yandex.ru

В работе представлен теоретический анализ проблемы профессиональной подготовки кадров сферы туризма, доказана актуальность обучения межкультурной коммуникации как инструмента формирования профессиональных компетенций студента направления подготовки «Туризм». В статье представлены идеи по технологиям, методам, принципам обучения межкультурной коммуникации для достижения профессиональной направленности межкультурной подготовки.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, межкультурная компетенция, образовательные технологии, методы обучения, туризм.

**PROBLEMS OF PROFESSIONAL STUDENTS' TRAINING
IN THE FIELD OF TOURISM IN THE CONTEXT OF INTERCULTURAL
COMMUNICATION TEACHING**

Yulia V. Baurova, ORCID 0000-0001-6564-3873, Yuriy Gagarin State Technical University of Saratov, Russia, workingday08@mail.ru

Valeriya P. Bogacheva, 2nd-year student of the Institute of Public Prosecutor's Office of Saratov State Legal Academy, Russia, v.bogachyowa@yandex.ru

The paper presents a theoretical analysis of the problem of personnel's professional training in the field of tourism, the relevance of intercultural communication teaching as a tool for the formation of a student's professional competencies in the field of study of «Tourism»

is proved. The article presents ideas on technologies, methods, principles of intercultural communication teaching to achieve the professional orientation of intercultural training.

Keywords: intercultural communication, intercultural competence, educational technologies, methods of teaching, tourism.

Актуальность исследования проблем профессиональной подготовки студентов направления «Туризм»

Туризм, будучи механизмом межкультурных процессов, выступает одним из наиболее эффективных способов взаимодействия культур, практической реализацией принципов диалога, сотрудничества и взаимообогащения. В современных же реалиях сфера туризма является сложным, динамическим социокультурным и экономическим явлением, которое позволяет удовлетворить потребности потребителей в организованном досуге, исходя из их субъективных целей, многообразие которых детерминирует высокие требования к специалистам туристской индустрии, в том числе к их коммуникативным навыкам.

Значимость коммуникативных навыков и умений в туристском бизнесе сложно переоценить, т.к. именно благодаря им специалисты организуют эффективное взаимовыгодное сотрудничество, грамотно выстраивают партнерские переговоры, проводят совещания, заседания, брифинги, пресс-конференции, телефонные разговоры, презентации, осуществляют деловую переписку, реализуют менеджерскую функцию в своей сфере, поддерживают собственный деловой имидж и имидж своей туристской компании, развивают туристские коллаборации. Специалист туристского профиля должен ориентироваться в самых разнообразных ситуациях общения, учитывая условия, при которых осуществляется акт коммуникации, статус адресата, объект обсуждения, выстраивая адекватным образом тактику общения с ним, что предполагает овладение совокупностью знаний и умений, через которые опосредуется культурное взаимодействие в рамках межкультурной компетенции.

Необходимость получения в процессе подготовки специалистов сферы туризма и гостеприимства знаний в области прикладных дисциплин, в частности, этики, иностранных языков, межкультурной коммуникации и других, в рамках организации поликультурного образования, продиктовано и реализацией национального проекта «Туризм и индустрия

гостеприимства» [11]. Нацпроект, включающий 3 федеральных проекта: развитие туристической инфраструктуры и создание качественных турпродуктов, повышение доступности и информированности о туристических продуктах, улучшение управления в сфере туризма, предполагает увеличение объема туристских услуг и рост числа туристских фирм. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, в 2020 году в организациях туристической индустрии, без учета субъектов малого предпринимательства, были заняты 1 146 426 сотрудников. При этом по информации Федерального агентства по туризму в Российской Федерации насчитывалось 634 профильных учреждения высшего профессионального образования, осуществляющих подготовку кадров для сферы туризма и гостеприимства. К 2030 году данные образовательные организации должны подготовить 4,7 миллиона специалистов, что свидетельствует о возрастании важности вопроса профессиональной подготовки кадров сферы туризма [3: 104].

На настоящий момент ряд исследователей (Е.Л. Заднепровская, В.С. Плотникова, Т.Н. Поддубная, А.А. Фомин и другие) отмечает наличие дисбаланса между уровнем подготовки выпускаемых специалистов в сфере туризма и конкретными требованиями работодателей данной отрасли [5: 111], о чем свидетельствует и наличие значительного числа открытых вакансий в данной сфере и большого количества незанятых дипломированных специалистов. Так, эксперты ведущего российского портала в области интернет-рекрутинга HeadHunter провели исследование данной проблемы и пришли к выводу о том, что такое явление вызвано особенностями качественной подготовки молодых специалистов [7: 94].

С целью совершенствования и модернизации туристского образования в Российской Федерации был разработан и утвержден федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 43.03.02 «Туризм» (уровень бакалавриата), предусматривающий в рамках Требований к результатам освоения программы бакалавриата сформированность у выпускника ряда универсальных компетенций, в числе которых выделены категории «коммуникация» и «межкультурное взаимодействие» [14].

Межкультурная коммуникация в структуре туристского образования

Одной из основ сферы туризма является межкультурная коммуникация, главное условие эффективности которой заключается во взаимопонимании культур, терпимости и уважении к культуре партнеров по коммуникации.

Проблема обучения межкультурной коммуникации особенно актуальна для будущих сотрудников туристической отрасли, поскольку их будущая профессиональная деятельность не ограничивается взаимодействием с представителями только одной культурной и социальной среды. Создавая и реализуя туристический продукт, специалист вступает во взаимодействие вербальное/невербальное, непосредственное/виртуальное с представителями различных национальностей, этносов, социальных групп, то есть осуществляет межкультурную коммуникацию.

По мнению В.В. Лихановой межкультурная коммуникация представляет собой процесс непосредственного взаимодействия (диалога) культур, который осуществляется в рамках несовпадающих национальных стереотипов мышления и коммуникативного поведения, что влияет на взаимопонимание и взаимоотношения между общающимися сторонами [9: 84].

Е.Ф. Тарасов понимает под межкультурной коммуникацией «процесс общения (вербального и невербального) между коммуникантами, являющимися носителями разных культур и языков, или иначе – совокупность специфических процессов взаимодействия людей, принадлежащих к разным культурам и языкам» [6: 82].

Согласно исследованиям В.В. Красных, межкультурная коммуникация – это «общение представителей разных национально-лингво-культурных сообществ, носителей разных ментально-лингвальных комплексов, обладающих разными национальными когнитивными базами» [10: 85].

Подготовка к межкультурной коммуникации требует овладения особыми знаниями, навыками и умениями, комплекс которых принято рассматривать в рамках межкультурной компетенции.

В своих работах А. В. Косов, специалист-практик в области международного бизнеса и межкультурной коммуникации, подчеркивает, что повышение уровня межкультурной компетенции – необходимое условие формирования личности специалиста, работающего в сфере предоставления

туристских услуг, отмечая, что основы межкультурной компетенции «могут быть применимы ... в любой стране мира, так как они основаны на толерантном отношении к чужой культуре, что предотвращает конфликтность поведения, делает более эффективным межличностное общение» [8].

Отметим, что в данном контексте в отечественной науке отсутствует терминологическое единство. Так в культурологических и педагогических исследованиях употребляются термины «глобальная компетентность», «межкультурная компетентность», «глобальная межкультурная компетентность», «межкультурная коммуникативная компетентность», «межкультурная компетенция», «социокультурная компетенция», «поликультурная компетенция». При этом «межкультурная компетентность» рассматривается исследователями-культурологами, термин «межкультурная компетенция» употребляется в педагогических исследованиях, посвященных методике преподавания иностранных языков [2: 86].

Как справедливо отмечает Н.В. Янкина, «между языком и реальным миром стоит человек, носитель языка и культуры», что указывает на взаимосвязь межкультурной компетенции с языковой и коммуникативной компетенциями, при этом не являющейся тождественной им [13: 41].

А.П. Садохин рассматривает межкультурную компетенцию как «комплекс знаний и умений, позволяющих индивиду в процессе межкультурной коммуникации адекватно оценивать коммуникативную ситуацию, эффективно использовать вербальные и невербальные средства, воплощать в практику коммуникативные намерения и проверять результаты коммуникации с помощью обратной связи».

О.И. Халупо также подчеркивает комплексную природу межкультурной компетенции и выделяет в ней: а) теоретическую составляющую – овладение знаниями в области языка и культуры; б) практическую составляющую – набор определенных способностей, навыков и умений, который бы позволил человеку продуктивно общаться, без затруднений понимать представителей других культур или просто социализироваться в их пространстве, не нарушая их норм и правил поведения, обычаев и традиций, адекватно реагировать на их поступки [12: 59].

Как отмечает Е.Д. Сон, в структуру межкультурной компетенции входят культурологические, общие и специфические знания, умения практического

общения, а также межкультурная психологическая восприимчивость. Владение этой компетенцией является основой для развития профессионализма [13: 42].

Представленный краткий обзор позиций отечественных исследователей относительно определения понятия «межкультурная компетенция» дает возможность заключить, что они отмечают ее комплексную интегральную природу – знания и умения, теоретическую и практическую составляющие и описывают понятие как способность эффективно взаимодействовать или осуществлять межкультурную коммуникацию. Положение о комплексной природе межкультурной компетенции созвучно сфере профессиональной деятельности будущих специалистов индустрии туризма, отличающейся от традиционных сфер деятельности, прежде всего, интегральным характером, аккумулирующим в себе знания самых разных отраслей, что дает широкие возможности для обучения межкультурной коммуникации будущих специалистов сферы туризма.

Проблема обучения межкультурной коммуникации

Для осуществления эффективной подготовки специалистов сервиса и туризма межкультурному взаимодействию требуется четкая организация, учитывающая все факторы в образовательном процессе.

Содержательно профессиональная направленность обучения межкультурной коммуникации строится через поступательное изучение в теории и на практике таких тем, как культурная идентичность и менталитет, национальный характер, система ценностей и отношений, кросс-культурная психология и этика, культурный стиль, деловая коммуникация, организация бизнеса, проведение деловых встреч и переговоров, принципы подбора команды и работа в команде, лидерство и принятие решений, характер проведения свободного времени и других.

Исследователи Р.М. Арсений, Е.В. Безносюк выделяют следующие наиболее эффективные образовательные технологии и методы обучения, способствующие, прежде всего, формированию у студентов навыков использования коммуникативных техник [1: 68-69], и ориентирующие обучающихся на активизацию познавательной, креативной, инновационной деятельности в условиях межкультурной коммуникации: 1) интерактивные технологии обучения, представляющие собой совокупность методов, средств и приемов организации обучения, основанных на активном характере

взаимодействия между участниками процесса обучения; 2) метод традиционного анализа конкретных ситуаций, включающий подробное исследование реальной или имитированной ситуации и опирающийся на динамическую систему общения между коммуникаторами; 3) решение профессионально ориентированных задач коммуникативной направленности, связанных с туристской деятельностью и основанных на конкретных ситуациях и ситуациях, включающих ситуации-иллюстрации, ситуации-оценки, ситуации-упражнения и другие; 4) метод ситуационного обучения, предполагающий применение кейс-стади, а именно использование кейса – рассказа, основанного на реальных событиях и требующего детального изучения и анализа для выбора и обоснования решения; 5) метод инцидентов, основанный на предъявлении обучающимся краткой информации о ситуации, происшествии и предполагающий принятие обоснованных решений в условиях недостаточности данных; 6) деловая игра, являющаяся диалогом на профессиональном уровне, предполагающая столкновение разных мнений, критику гипотез, активизацию обсуждения, и приводящая к формированию и закреплению новых знаний и представлений; 7) метод проекта – технология организации образовательных ситуаций, во время выполнения которых студенты решают значимые для их будущей профессиональной деятельности задачи; 8) технология фасилитационного обучения, предполагающего организацию коллективного процесса решения проблем в группе под руководством лидера; 9) вебинар – онлайн-встреча или презентация, проводимая через интернет в режиме реального времени, позволяющая студентам получить и закрепить навыки использования коммуникативных техник и технологий.

Взаимосвязь процесса преподавания иностранных языков и обучения межкультурной коммуникации очевидна. Так на основе анализа отечественных и зарубежных научных источников, опыта профессиональной деятельности были выделены принципы, определяющие содержание обучения и профессионально ориентированных ситуаций, стратегии, формы работы, направленные на развитие профессиональной межкультурной компетенции [4: 61-63]: 1) принцип параллельного формирования профессиональных компетенций, при следовании которому иностранный язык является средством формирования не только коммуникативной, межкультурной, но и ряда профессиональных компетенций, необходимых

специалисту в сфере туризма: так студенты обучаются работать в команде, вести переговоры с представителями разных культур, проводить презентации для особых целевых аудиторий, разрешать межкультурные конфликты, формируют лидерские качества; 2) принцип междисциплинарности, позволяющий использовать профессиональные знания на занятиях по иностранному языку, содействуя не только обогащению тезауруса и набора речевых тактик и стратегий, но и формированию компенсаторной компетенции обучающегося; 3) принципы технологии развития критического мышления, позволяющие преподавателю обратить внимание студентов на процесс собственного понимания, развитие способности доказательно и логично представлять новую информацию, осмысливать внутренние ощущения, анализировать проделанную работу, оценивать собственные результаты; 4) принцип учета уровней развития мышления, находящий отражение в разработке упражнений при изучении дисциплины, и предоставляющий студенту возможность «присвоив» новое знание, научиться его критически осмысливать, оценивать и корректно использовать с учетом характера будущей профессиональной деятельности; 5) принцип паритета родной и иностранных культур, предполагающий, что содержание упражнений для формирования межкультурной и социокультурной компетенций должно включать в себя реалии как родной, так и иностранных культур, что способствует формированию поликультурной личности, т.к. будущий специалист в сфере туризма, представляющий свою страну иностранным гостям, должен уметь аргументированно и корректно демонстрировать богатство и уникальность родной истории и культуры; 6) принцип элемента неожиданности, применение которого развивает способность студента адекватно реагировать на неожиданный ход общения, в том числе в процессе межкультурной коммуникации; 7) принцип учета профессионального мнения работодателя для создания ситуаций, исходя из которого, разрабатывать учебные ситуации необходимо в тесном сотрудничестве с представителями сферы туризма и индустрии гостеприимства, так как подобные профессионально ориентированные ситуации общения позволят осуществить наиболее полное погружение в профессиональную языковую среду, создать условия для успешного развития профессиональной межкультурной компетенции.

Выводы

Туризм как составляющая межкультурной коммуникации является двигателем развития социокультурной сферы любого общества, именно поэтому так важен уровень подготовки кадров в туристической отрасли.

Компетентность персонала, имеющая ключевое значение, является основным ресурсом конкурентного преимущества туристических организаций, условием высокого качества предоставляемых ими услуг и успешного культурного обмена между представителями разных стран, наций и народов.

Реализация требований к профессиональным навыкам будущих специалистов отрасли туризма диктует необходимость в создании структуры подготовки, в которой значительное место отводится обучению межкультурной коммуникации, коммуникативным техникам и технологиям, учету принципов обучения иностранному языку, определяющих содержание обучения, стратегии и формы работы, направленные на развитие профессиональной межкультурной компетенции.

Требуется комплексный, междисциплинарный подход на основе данных психологии, культурологии, политологии, экономики, методики преподавания иностранного языка, что позволит выработать у обучаемых представления и понятия о культурных особенностях носителей языка, создать условия для упорядоченного инокультурного осмысления окружающего мира, особенностей межличностных отношений коммуникантов, накопления и передачи опыта межкультурной коммуникации. Данной цели способствует и обучение дисциплинам учебного плана подготовки бакалавров направления «Туризм»: «Философия», «История», «Психология в туристской деятельности», «Деловые коммуникации в туризме», «Менеджмент в туризме», «Мировая культура и искусство», «Межкультурная и профессиональная коммуникации на иностранном языке», «Техника ведения переговоров», «Традиции и кухни народов мира» и другие.

Заключение

Анализ реализации туристского образования свидетельствует о необходимости разработки комплекса мер, направленных на формирование профессионально ориентированной системы подготовки кадровых ресурсов туристской индустрии с акцентом на межкультурной

коммуникации. Именно высокий уровень сформированности межкультурных компетенций специалистов сферы туризма представляет собой основу успешной реализации их деятельности. При этом технологиями и методами обучения для достижения профессиональной направленности межкультурной подготовки студента направления «Туризм» являются те (деловая игра, метод ситуационного обучения, метод инцидентов и другие), что ориентируют обучающихся на когнитивное погружение в культуру, открытие новых смыслов и идей, выявлению проблем и вариантов их решений, рефлексии, кросс-культурный анализ сфер профессиональной деятельности.

Список литературы

1. *Арсений Р.М., Безносюк Е.В.* Подготовка будущих бакалавров направления подготовки 43.03.02 «Туризм» к использованию коммуникативных техник и технологий // Вестник РМАТ. 2022. № 2. С. 64-70.
2. *Вылегжанина И.А.* Формирование глобальной межкультурной компетентности обучающихся в системе «школа – колледж – вуз» // Концепт. 2023. № 1. С. 82-99.
3. *Гордеева Е.В., Сладкович Ю.Я.* Актуальные проблемы профессионального образования в сфере туризма и индустрии гостеприимства // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 4-1. С. 102-107.
4. *Гусева Л.В.* Принципы создания ситуаций межкультурного общения для формирования межкультурной компетенции студентов по направлению «Туризм» // Высшее образование сегодня. 2015. № 1. С. 60-63.
5. *Завражнов В.В., Столярова Е.В.* Проблемы профессиональной подготовки студентов направления «Туризм» в контексте развития современных форм туристской деятельности // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 5 (96). С. 110-112.
6. *Кистанова Л.П., Михалёва Т.Г.* Межкультурная коммуникация и межкультурное взаимодействие как основа формирования иноязычной коммуникативной компетентности специалистов сферы туризма в процессе профессиональной подготовки // Евразийский Союз Ученых. 2014. № 6. С. 82-84.
7. *Коноваленко Т.Г., Славянская И.А.* Аспекты формирования межкультурных компетенций в контексте непрерывного туристского образования // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 33 (75). С. 94-97.
8. *Косов А. В.* Фонарик для чужой души. М.: ИНФРА-М, 2007.
9. *Лиханова В.В.* Модель формирования межкультурной компетентности специалистов сервиса и туризма // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 1 (1). С. 84-88.

10. Мошняга Е.В. Профессиональная направленность в обучении межкультурной коммуникации в условиях международной магистерской подготовки // Вестник РМАТ. 2019. № 2. С. 82-86.

11. Национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства» [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--80aарамремсчfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/turizm>

12. Овсянникова Т.В., Детинкина В.В. Особенности формирования межкультурной компетенции студентов неязыковых направлений подготовки // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2022. № 2 (165). С. 59-65.

13. Путина С.А., Щербов А.Д. О формировании межкультурной компетенции студентов языковых специальностей вуза // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2022. Т. 14. № 1. С. 40-47.

14. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 43.03.02 «Туризм» [Электронный ресурс]. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-43-03-02-turizm-516/>

References

1. Arsenij, R.M., Beznosyuk, E.V. (2022). Podgotovka budushchih bakalavrov napravleniya podgotovki 43.03.02 «Turizm» k ispol'zovaniyu kommunikativnyh tekhnik i tekhnologij [Training of future bachelors of the field of study 43.03.02 "Tourism" for the use of communication techniques and technologies]. *Vestnik RMAT* [Vestnik RIAT], 2, 64-70 (in Russian).

2. Vylegzhanina, I.A. (2023). Formirovanie global'noj mezhkul'turnoj kompetentnosti obuchayushchihsya v sisteme «shkola – kolledzh – vuz» [Formation of global intercultural competence of students in the system "school - college - university"]. *Koncept* [Concept], 1, 82-99 (in Russian).

3. Gordeeva, E.V., Sladkovich, Yu.Ya. (2022). Aktual'nye problemy professional'nogo obrazovaniya v sfere turizma i industrii gostepriimstva [Actual problems of vocational education in the field of tourism and hospitality industry]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika* [Economics and Business: Theory and Practice], 4-1, 102-107 (in Russian).

4. Guseva, L.V. (2015). Principy sozdaniya situacij mezhkul'turnogo obshcheniya dlya formirovaniya mezhkul'turnoj kompetencii studentov po napravleniyu «Turizm» [Principles of creating situations of intercultural communication for the formation of intercultural competence of students in the field of study of "Tourism"]. *Vysshee obrazovanie segodnya* [Higher Education Today], 1, 60-63 (in Russian).

5. Zavrazhnov, V.V., Stolyarova, E.V. (2022). Problemy professional'noj podgotovki studentov napravleniya «Turizm» v kontekste razvitiya sovremennyh form turistskoj deyatel'nosti [The problems of professional training of students in the field of study of "Tourism" in the context of the development of modern forms of tourism activities]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture and Education], 5 (96), 110-112 (in Russian).

6. Kistanova, L.P., Mihalyova, T.G. (2014). Mezhhkul'turnaya kommunikaciya i mezhhkul'turnoe vzaimodejstvie kak osnova formirovaniya inoyazychnoj kommunikativnoj kompetentnosti specialistov sfery turizma v processe professional'noj podgotovki [Intercultural communication and intercultural interaction as the basis for the formation of foreign language communicative competence of tourism specialists in the process of professional training]. *Evrasijskij Soyuz Uchenyh* [Eurasian Union of Scientists], 6, 82-84 (in Russian).

7. Konovalenko, T.G., Slavyanskaya, I.A. (2016). Aspekty formirovaniya mezhhkul'turnyh kompetencij v kontekste nepreryvnogo turistskogo obrazovaniya [Aspects of the formation of intercultural competencies in the context of continuous tourism related education]. *Problemy sovremennoj nauki i obrazovaniya* [Problems of modern science and education], 33 (75), 94-97 (in Russian).

8. Kosov, A. V. (2007). *Fonarik dlya chuzhoj dushi* [The Flashlight for a Man's Mind]. Moscow: INFRA-M (in Russian).

9. Lihanova, V.V. (2014). Model' formirovaniya mezhhkul'turnoj kompetentnosti specialistov servisa i turizma [The model of intercultural competence formation of service and tourism specialists]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Buryat State University Bulletin], 1 (1), 84-88 (in Russian).

10. Moshnyaga, E.V. (2019). Professional'naya napravlennost' v obuchenii mezhhkul'turnoj kommunikacii v usloviyah mezhdunarodnoj masterskoj podgotovki [Professional orientation in intercultural communication teaching in the context of international master's training]. *Vestnik RMAT* [Vestnik RIAT], 2, 82-86 (in Russian).

11. Nacional'nyj proekt «Turizm i industriya gostepriimstva» [National project "Tourism and hospitality industry"]. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/turizm> (in Russian).

12. Ovsyannikova, T.V., Detinkina, V.V. (2022). Osobennosti formirovaniya mezhhkul'turnoj kompetencii studentov neyazykovyh napravlenij podgotovki [The features of intercultural competence formation of students of non-linguistic fields of study]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2 (165), 59-65 (in Russian).

13. Pitina, S.A., Shcherbov, A.D. (2022). O formirovanii mezhhkul'turnoj kompetencii studentov yazykovyh special'nostej vuza [On the intercultural competence formation of university students of linguistic specialties]. *Sovremennaya vysshaya shkola: innovacionnyj aspect* [Contemporary Higher Education: Innovative Aspects], 14, 1, 40-47 (in Russian).

14. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart vysshego obrazovaniya – bakalavriat po napravleniyu podgotovki 43.03.02 «Turizm» [Federal state educational standard of higher education - bachelor's degree in the field of study of 43.03.02 "Tourism"]. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-43-03-02-turizm-516/>

УДК 372.881.111.1

ББК 74.48

DOI: 10.24412/2658-5138-2023-8-57-64

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АУТЕНТИЧНЫХ ИНОЯЗЫЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ГРАММАТИКЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Кузнецова Юлия Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Саратовская государственная юридическая академия, kuznetsova.julya@mail.ru

В статье рассматриваются дидактический потенциал, возможности и способы применения современных информационных технологий для формирования грамматических навыков, как на языковом, так и на речевом уровне, а также описываются цели и задачи использования видео на разных этапах работы с грамматическим материалом. Показывается эффективность использования видео на этапе ситуативного представления грамматического материала для иллюстрации его коммуникативной значимости, а также с целью стимулирования интереса к новому грамматическому правилу и мотивирования студентов на продуктивную работу. На этапах закрепления и формирования автоматизма применения нового грамматического правила в языковых и речевых упражнениях, видео становится неиссякаемым источником примеров использования грамматических правил в ситуациях реального общения, которые также предоставляют широкие возможности для эмоционально активной творческой работы. Делается вывод о том, что методически грамотное использование видео способствует формированию как широкого круга языковых компетенций, так и развитию когнитивных навыков высшего порядка.

Ключевые слова: аутентичное видео, грамматические навыки, дидактический потенциал, этап представления грамматического правила, этап закрепления, этап творческого применения, языковые и речевые упражнения, коммуникативная компетенция, когнитивные навыки.

USING AUTHENTIC FOREIGN LANGUAGE MATERIALS IN TEACHING ENGLISH GRAMMAR

Julia A. Kuznetsova, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-8851-242X>, Saratov State Law Academy, 1, Volskaya Str., Saratov, 410056, Russia, kuznetsova.julya@mail.ru

The article discusses the didactic potential, opportunities and ways of using modern information technologies for the formation of grammatical skills, both at the language and

speech level, and also describes the goals and objectives of using video at different stages of working with grammatical material. The effectiveness of using video at the stage of presenting grammatical material in context to illustrate its communicative significance is shown, as well as to stimulate interest in a new grammatical rule and motivate students to work productively. At the stages of practice and production, and formation of the automatism of the application of a new grammatical rule in language and speech exercises, the video becomes a plentiful source of examples of the use of grammatical rules in real communication situations, that provide wide field for emotionally active creative work. It is concluded that methodically competent use of video contributes to the formation of both a wide range of language competencies and the development of high-order cognitive skills.

Key words: authentic video, grammatical skills, didactic potential, the stage of presentation of a grammatical rule, the stage of practice, the stage of production, language and speech exercises, communicative competence, cognitive skills.

Введение в проблему исследования

Современные подходы к преподаванию предполагают обязательность применения новых видов и форм организации учебной деятельности, а также информационных технологий, которые дают новые возможности как для достижения поставленных целей (лингвистических, общеобразовательных, воспитательных, когнитивных), так и для повышения мотивации к изучению языка [5: 354; 2: 92]. На занятиях по иностранному языку умелое использование видеоматериалов, представленных в сети Интернет, также может частично заменить языковую среду и погрузить обучающихся в языковой и культурный контексты, помогающие развивать как языковые, так и межкультурные (в том числе профессиональные) компетенции [1: 164–165; 13]. Так, методически грамотно выстроенная работа с видеоматериалами позволяет активизировать все четыре вида коммуникативной деятельности (аудирования, говорения, чтения и письма), а также наглядно продемонстрировать обучающимся специфику культуры, реалий и ценностей, традиций и обычаев других народов [3: 69; 4: 581].

Информационные технологии способны оптимизировать процесс обучения грамматике и снять многие трудности, встречающиеся на этом нелегком пути. Современные методисты указывают на то, что преподавание грамматики должно быть интерактивным, коммуникативно обусловленным, включенным в лингвистический и культурный контекст, учитывающим цели и задачи обучающихся, эмоционально активным, ориентированным

на когнитивные навыки высшего порядка, [12; 11; 9; 10: 194]. При классификации когнитивных навыков в образовательном процессе широко используется доработанная традиционная таксономия Бенджамена Блума, в которой к навыкам низкого или базового порядка относятся запоминание, понимание и применение, а умения высокого мыслительного порядка – это анализ, оценка и создание [6].

1. Дедуктивный и индуктивный подходы к преподаванию и структура занятия

В методической литературе описываются два основных подхода к преподаванию грамматики: дедуктивный и индуктивный. При более традиционном дедуктивном подходе работа с грамматическим материалом начинается с теоретического представления грамматического правила преподавателем, которое затем применяется в практических упражнениях. Индуктивный подход предполагает представление преподавателем ситуаций, в которой используется определенное грамматическое явление, а далее обучающиеся, направляемые преподавателем, самостоятельно формулируют грамматическое правило и более естественным образом используют его в речевых упражнениях, требующих выполнения различных когнитивных операций как низшего, так и высшего порядка [7; 8]. На наш взгляд, при творческом подходе к обучению преподаватель может эффективно использовать как дедуктивный, так и индуктивный подход.

Структура урока, на котором вводится новый материал, описывается зарубежными методистами как состоящая из следующих трех частей: Presentation (представление), Practice (практика, закрепление), Production (создание, творческое применение) (она известна также как PPP). На первом этапе происходит введение нового материала, на втором этапе студенты получают возможность использовать новые правила в типичных ситуациях из стандартных упражнений, на третьем – выполняют более творческие задания с использованием как ранее изученного, так и нового материала [7]. При этом, основная цель первого этапа – это представление нового грамматического правила в значимом для студентов контексте для того, чтобы вызвать интерес к новому грамматическому правилу, показать необходимость его использования, мотивировать студентов на продуктивную работу. На этом этапе также происходит объяснение нового материала преподавателем (при дедуктивном подходе) или

направляемое преподавателем «открытие» нового правила студентами (при индуктивном подходе). Цели второго и третьего этапов – добиться автоматизма применения нового грамматического правила в языковых упражнениях, а затем в речевых.

2. Использование видеоматериалов на разных этапах изучения грамматической темы

Видеоматериалы могут использоваться на любом из вышеописанных этапов обучения грамматике, но с разными целями.

На этапе представления нового грамматического материала одна из главных целей использования видео – продемонстрировать целевое грамматическое явление в реальном контексте или коммуникативной ситуации. Легко запоминающиеся, эмоционально подкрепленные контекстом примеры грамматических правил можно встретить в песнях, фильмах и мультфильмах. Некоторые популярные песни могут служить отличной иллюстрацией определенных грамматических явлений благодаря их регулярной повторяемости на протяжении всего текста. Так, песня “Are You Lonesome Tonight” Элвиса Пресли позволяет познакомиться с вопросительными предложениями во времени The Present Simple, в большинстве предложений песни “Lemon Tree” группы Fools Garden используется грамматическое время The Present Continuous, а в песне Бейонсе “If I were a boy” встречается большое количество примеров Conditional II и т.д. В сети интернет также представлены видео, в которых даны нарезки из фильмов, мультфильмов и песен, демонстрирующие определенное грамматическое явление, например, в видео Learn Simple Present Tense through Movies and TV english-challenge.ru, Learn Present Continuous Tense through Movies english-challenge.ru. Короткие диалоги, иллюстрирующие употребление определенного грамматического правила, встречаем на каналах Grammar Genius, Language Planet Toluca, Voice of America Learning English Grammar и других. Короткие эмоциональные рассказы для представления грамматической темы можно найти на канале Simple English Videos. Подобные презентации грамматического материала являются яркими, эмоциональными и быстро запоминающимися.

Другая цель использования видео на этапе представления материала – это объяснение нового грамматического правила носителем языка, которое может быть более привлекательным и запоминающимся для обучающихся,

так как оно может дополнительно задействовать эмоциональный компонент процесса обучения. В видеолекциях каналов 6 Minute grammar (BBC Learning English), engvid, Oxford Online English, British Council, mmmEnglish, грамматические правила объясняются достаточно академично с отличной презентацией материала и хорошей графикой. При этом приводится большое количество контекстных примеров использования всех объясняемых правил. На других каналах (Learn English with Papateach me, The Grammar Gameshow, BBC English Masterclass (BBC Learning English)) грамматика объясняется с юмором, более кратко, но также с яркими коммуникативными примерами.

На дальнейших этапах работы с грамматической темой (Practice and Production) видеоматериалы, представленные на вышеназванных каналах, могут использоваться также для составления заданий на употребление правильной формы слова, для разыгрывания прослушанных диалогов, пересказов прозвучавших историй (Practice), составления подобных диалогов и рассказов в устной и письменной форме, анализа проблем и ситуаций, представленных в видео, оценки значимости данной ситуации для собственной жизни обучаемого, высказывания своего мнения об услышанном устно или в виде кратких эссе (Production). Таким образом, использование видео на уроках грамматики не только позволяет сделать занятия более интересными и эмоциональными, но и дает возможность позаниматься развитием всех видов коммуникативной деятельности (аудирования, говорения, чтения и письма).

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о том, что использование аутентичных видеоматериалов для работы с грамматикой английского языка позволяет сделать занятие интерактивным, эмоционально активным, коммуникативно обусловленным, ориентированным на когнитивные навыки, включенным в культурный контекст. Видео является эффективным средством формирования и развития иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся, а также когнитивных навыков не только низшего (запоминание, понимание, применение), но и высшего порядка (анализ, оценка, создание). При этом для полного раскрытия всего дидактического потенциала видео преподавателю необходимо четко представлять образовательные цели и задачи на каждом этапе работы

с грамматикой и выстраивать методически грамотную творческую работу с современными качественными видеоресурсами.

Список литературы

1. Вьюшкина Е. Г. Дидактический потенциал аутентичного видео для развития межкультурной профессиональной компетенции студентов-юристов // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации: материалы докладов XII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (25–26 февраля, 2020, Саратов). Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2020. С. 163–168.

2. Игнаткина А. Л., Тосункуоглу И. Использование открытых образовательных интернет-ресурсов в преподавании и изучении английского языка в сфере юриспруденции // Язык науки и профессиональная коммуникация. 2020. № 2. С. 91-108.

3. Лопатина Е. В. Использование художественного фильма “The Devil Wears Prada” («Дьявол носит Прада») на занятиях по английскому языку в вузе // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 2. С. 69-73.

4. Миркина Ю.З. Образовательный потенциал аутентичных иноязычных видеofilмов при обучении страноведению // Балтийский морской форум Материалы VI Международного Балтийского морского форума (03-06 сентября, 2018, Калининград): в 6 т.. Том 1. Калининград: Обособленное структурное подразделение «Балтийская государственная академия рыбопромыслового флота» федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Калининградский государственный технический университет», 2018. С. 580-585.

5. Семенова Э. В. Применение информационных технологий в целях повышения мотивации студентов к изучению иностранных языков // Организационно-методические аспекты повышения качества образовательной деятельности и подготовки обучающихся по программам высшего и среднего профессионального образования: сборник статей IV Всероссийской научно-методической конференции (31 октября, 2022, Пенза). Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2022. С. 353-356.

6. Anderson L.W. Krathwohl, D. R., et al (Eds.) A taxonomy for learning, teaching and assessing: A revision of Bloom’s Taxonomy of educational objectives. Boston: MA (Pearson Education Group), 2001.

7. Cotter T. Planning a grammar lesson [Электронный ресурс]. URL: Planning a grammar lesson | TeachingEnglish | British Council | BBC

8. Different Methods of Teaching Grammar [Электронный ресурс]. URL: <https://writingprompts.com/methods-of-teaching-grammar/>

9. Holmes B. How to teach grammar clearly: an introduction to the basics [Электронный ресурс]. URL: <https://hongkongtesol.com/blog/how-teach-grammar-clearly-introduction-basics>

10. Ilyicheva E.G. Some aspects of teaching grammar to law students // Professional education through a foreign language acquisition: материалы XV международной научно-практической конференции (24 сентября, 2021, Нижний Новгород). Нижний Новгород: Нижегородский институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации", 2021. P. 193-196.

11. Key principles for teaching grammar [Электронный ресурс]. URL: <https://uk.sagepub.com/en-gb/eur/key-principles-for-teaching-grammar>

12. Riel Sh. Top Strategies for Teaching Grammar to English Language Learners [Электронный ресурс]. URL: <https://bridge.edu/tefl/blog/strategies-teaching-grammar-english-language-learners/>

13. Vyushkina E. Legal English through Movies: Development of Professional Communicative Competence // Studies in Logic, Grammar and Rhetoric. 2016. № 45 (58). P. 253–263.

References

1. V'yushkina, E.G. (2020). Didakticheskiy potentsial autentichnogo video dlya razvitiya mezhekul'turnoy professional'noy kompetentsii studentov-yuristov [Potential of authentic video in developing professional communicative skills of law students] *Inostrannye yazyki v kontekste mezhekul'turnoy kommunikatsii: materialy dokladov XII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Foreign languages in the context of intercultural communication: materials of reports of the XII All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation (25-26 February, 2020, Saratov)]. Saratov: Izdatel'stvo «Saratovskiy istochnik», 163-168 (in Russian).

2. Ignatkina, A. L., Tosunkuoglu I. (2020). Ispol'zovanie otkrytykh obrazovatel'nykh internet-resursov v prepodavanii i izuchenii angliyskogo yazyka v sfere yurisprudentsii [Using open educational resources in teaching and learning English in the field of law]. *Yazyk nauki i professional'naya kommunikatsiya* [The language of science and professional communication], 2, 91-108 (in Russian).

3. Lopatina, E.V. (2020). Ispol'zovanie khudozhestvennogo fil'ma “The Devil Wears Prada” na zanyatiyakh po angliyskomu yazyku v vuze [Using a feature film “The Devil Wears Prada” in English classes at the University]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities], 2, 69-73 (in Russian).

4. Mirkina, Yu.Z. (2018). Obrazovatel'nyy potentsial autentichnykh inoyazychnykh videofil'mov pri obuchenii stranovedeniyu [The Didactic potential of educational authentic foreign language films used in country studies] *Baltiyskiy morskoy forum Materialy VI Mezhdunarodnogo Baltiyskogo morskogo foruma: v 6 t. Tom 1* [Baltic Sea Forum Proceedings of the VI International Baltic Sea Forum (03-06 September, 2018, Kaliningrad):

in 6 volumes. Volume 1]. Kaliningrad, Obosoblennoe strukturnoe podrazdelenie «Baltiyskaya gosudarstvennaya akademiya rybopromyslovogo flota» federal'nogo gosudarstvennogo byudzhethnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego professional'nogo obrazovaniya «Kaliningradskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet», 580-585 (in Russian).

5. Semenova, E.V. (2022). *Primenenie informatsionnykh tekhnologiy v tselyakh povysheniya motivatsii studentov k izucheniyu inostrannykh yazykov* [Application of information technologies in order to increase students' motivation to learn foreign languages]. *Organizatsionno-metodicheskie aspekty povysheniya kachestva obrazovatel'noy deyatel'nosti i podgotovki obuchayushchikhsya po programmam vysshego i srednego professional'nogo obrazovaniya: sbornik statey IV Vserossiyskoy nauchno-metodicheskoy konferentsii* [Organizational and methodological aspects of improving the quality of educational activities and training of students in higher and secondary vocational education programs: collection of articles of the IV All-Russian Scientific and Methodological Conference (31 October, 2022, Penza)]. Penza, Penzenskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet, 353-356 (in Russian).

6. Anderson, L.W. Krathwohl, D. R., et al (Eds.) (2001). *A taxonomy for learning, teaching and assessing: A revision of Bloom's Taxonomy of educational objectives*. Boston: MA (Pearson Education Group) (in English).

7. Cotter, T. *Planning a grammar lesson* [Elektronnyj resurs]. URL: [Planning a grammar lesson | TeachingEnglish | British Council | BBC](#) (in English).

8. *Different Methods of Teaching Grammar* [Elektronnyj resurs]. URL: <https://writingprompts.com/methods-of-teaching-grammar/> (in English).

9. Holmes, B. *How to teach grammar clearly: an introduction to the basics* [Elektronnyj resurs]. URL: <https://hongkongtesol.com/blog/how-teach-grammar-clearly-introduction-basics> (in English).

10. Ilyicheva, E. G. (2021). *Some aspects of teaching grammar to law students. Professional education through a foreign language acquisition: materialy pyatnadtsatoy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Materials of the fifteenth International scientific and practical conference (24 September, 2021, Nizhny Novgorod)] Nizhniy Novgorod, Nizhegorodskiy institut upravleniya – filial federal'nogo gosudarstvennogo byudzhethnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya “Rossiyskaya akademiya narodnogo khozyaystva i gosudarstvennoy sluzhby pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii”, 193-196 (in English).

11. *Key principles for teaching grammar* [Elektronnyj resurs]. URL: <https://uk.sagepub.com/en-gb/eur/key-principles-for-teaching-grammar> (in English).

12. Riel, Sh. *Top Strategies for Teaching Grammar to English Language Learners* [Elektronnyj resurs]. URL: <https://bridge.edu/tefl/blog/strategies-teaching-grammar-english-language-learners/> (in English).

13. Vyushkina, E.G. (2016). *Legal English through Movies: Development of Professional Communicative Competence. Studies in Logic, Grammar and Rhetoric*, 45 (58), 253-263 (in English).

О ЖУРНАЛЕ

Журнал «Язык науки и профессиональная коммуникация» («Language of Science and Professional Communication») издается Редакцией журнала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия». Устав академии предусматривает в числе других издательскую деятельность. Редакция проводит полную редакционную обработку статей, а также размещение их электронных копий в различных базах данных. Печать журнала производит типография Издательства федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия».

Журнал имеет своей целью информирование научного сообщества о современном состоянии и развитии подязыков науки, а также проблем преподавания языковых дисциплин обучающимся вузов.

В журнале публикуются статьи на русском и английском языках в соответствии с двумя рубриками:

1. Лингвистика.
2. Лингводидактика.

Тематика статей должна быть связана с различными аспектами профессиональной коммуникации в разноструктурных языках:

Статьи, опубликованные в журнале «Язык науки и профессиональная коммуникация» («Language of Science and Professional Communication»), индексируются в национальной библиографической базе данных научного цитирования «Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)», научной электронной библиотеке «КиберЛенинка». Электронные копии статей размещаются на сайте журнала <http://сгюа.рф/ru/yazyknauki>. Печатный журнал распространяется по подписке. Подписной индекс: 88740. Размещение в электронном подписном каталоге ГК «Урал-Пресс» – на сайте www.ural-press.ru.

Адрес редакции: 410056, Саратов, ул. Вольская, 1, офис 618.

Телефон: 8(8452)-29-90-47.

E-mail: a-zarayskiy@list.ru

**ЯЗЫК НАУКИ
И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ**

***

**LANGUAGE OF SCIENCE
AND PROFESSIONAL COMMUNICATION**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 1 (8) 2023

Редактор, корректор – *Е.А. Елина*
Компьютерная верстка – *С.П. Нечитайло*

Подписано в печать 05.09.2023. Дата выхода в свет 08.09.2023. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 4,0. Уч.-изд. л. 3,6. Тираж 500 экз. Заказ № 320.

Издательство Саратовской государственной юридической академии.
410028, г. Саратов, ул. Чернышевского, 135.

Отпечатано в типографии издательства
Саратовской государственной юридической академии.
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.